

Галина ЩЕРБОВА
ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Москва
КРУГЪ
2011

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Щ61

Щербова, Галина.
Щ61 **Три желания :** – М. : Кругъ, 2011. – 140 с.
ISBN 978-5-7396-0188-9

Книгу составили эссе, написанные в 1997–2010 годах. Остро, пронично исследуя поднятые темы, обращаясь к народным сказкам, автор достигает большой афористичности. Самостоятельной частью с общим названием «Талант и ремесло» представлены эссе об искусстве и писательском труде.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-7396-0188-9

© Г. Щербова, 2011

ЦЕНА ВЫЕДЕННОГО ЯЙЦА

Жили-были дед и баба, и была у них курочка Ряба. Снесла курочка яичко. Не простое, а золотое. Дед бил-бил, не разбил. Баба била-била, не разбила. Мышка бежала, хвостиком махнула. Яичко упало и разбилось. Плачет дед, плачет баба. А курочка говорит: «Не плачь дед, не плачь баба, я снесу вам другое яичко. Не золотое, а простое».

Вот так каждый помнит детскую сказку наизусть и легко может пересказать её. Возможно, в приведённом тексте есть некоторые отступления от канонического, но не существенные. Так что, не разыскивая первоисточника, доверяясь своей патриархальной памяти. Сказка хороша лаконичностью, составом действующих лиц, динамикой действия, непосредственностью реакций, чистотой и аскетизмом сцены, сложностью, которая складывается из простейших элементов.

Сказка представляет собой ряд аксиом, на которых зиждется несколько гипотез, позволяющих делать догадки. Но доказательств нет. Подсказки в виде деталей отсутствуют. Нет определений, черт, качеств. Кроме качества яйца – оно золотое. И кроме качества курочки – Ряба. Не будем гадать, действительно ли она была рябая или её так звали по другой причине, но сказка уважительно сохранила имя курочки, тогда как дед и баба остаются безымянными, не говоря уже о мышке. Итак, пять персонажей, между которыми складываются отношения:

Д е д,
Б а б а,

Курочка Ряба,
Мышка,
Золотое яичко.

Что ещё предлагает нам сцена? Ничего. Мы не знаем, когда и где происходило действие, какого возраста были дед и баба, как долго они жили вдвоём, как долго жила у них курочка Ряба, несла ли она им яички раньше. Примем лаконизм буквально: больше ничего не было. В чистом поле мужчина и женщина с домашним животным. Это первая аксиома сказки:

Жили-были дед и баба, и была у них курочка Ряба.

Если взглянуть в картину, то она статична. Тотальная скука. Поражает неподвижность, внутри которой зреет скрытая коллизия в виде золотого яйца. Учитывая, что его появление вызвало невиданно бурную реакцию, повлекло за собой активную деятельность, можно с большой уверенностью предположить, что раньше курочка не несла яиц. Что раньше вообще ничего не происходило и вот, наконец, произошло. Вторая аксиома:

Снесла курочка яичко.

Заурядное, казалось бы, событие взорвало сонное царство, пробудило главных героев, притянуло к себе их внимание. Дед и баба получили в своё распоряжение яйцо.

Не простое, а золотое.

Здесь возникает неувязка. Если раньше курочка не несла яиц, то откуда деду и бабе было известно, что оно не простое? Собственно, это ключевой вопрос сказки: кто мог знать, что яйцо не простое, а золотое? Дед и баба не знали об этом, потому что раньше не видали яиц. Мыши дела не было, мимо чего она бежит. Яйцо не способно мыслить, оно – неодушевлённый предмет...

Остаётся одно. Качество яйца могло быть известно только курочке Рябе. Именно курочка знала разницу в яйцах, которые она несёт, что подтверждают и её слова, завершающие сказку: «Я снесу вам другое яичко. Не золотое, а простое». Прямым текстом, в прямой речи курочка обнаруживает свою посвящённость.

Отсюда возникает прямо-таки роковой вопрос: от чьего лица, собственно, ведётся повествование? Можно сказать:

от третьего лица, от автора. Но повествование, предложенное в таком виде, в котором мы его имеем, может вестись и от лица любого участника. Однако лишь один из них выдаёт себя как автор, показывая знания бóльшие, чем от него требует простенькая историйка. Рождается смелая гипотеза: автор повествования – курочка Ряба.

Авторство курочки подтверждается и тем, что дед и баба проявили себя уж слишком непосредственно, столкнувшись с золотым яйцом лицом к лицу. Взрослый человек, взяв в руки золотой предмет, не стал бы проверять его крепость многократными ударами, заведомо зная, что это бесполезно. Однако дед и баба получили в свои руки всего лишь невиданную игрушку, свойства которой им ещё не ведомы. И стали играть в неё, как малые дети, то есть попытались сломать.

Дед бил-бил, не разбил. Баба била-била, не разбила.

Наивность деда и бабы оправдывает их абсурдные действия. Курочка умнее и проницательнее. Пока они маются с золотым яйцом, пытаясь его разбить, она помалкивает наблюдая. Сказочная картина динамичной статики – бил-бил, била-била. Процесс увлék героев и крепко держит их. Но занятые делом, они перестали скучать. Они движутся и в движении ощущают текущую жизнь, её новые краски. Золотое яйцо переходит из рук в руки, блестит, отражает мир, деда, бабу, курочку.

И вот кульминация. Зловещая развязка в виде появившейся мыши, «мышки». Эта картина разработана покадрово, ей посвящена целая последовательность сообщений:

Мышка бежала, хвостиком махнула.

Но что это за мышка такая, которая сумела хвостиком скинуть увесистое золотое яйцо? Даже крупная кошка, махнув хвостом, не скинет предмет такой тяжести, разве что он лежит на самом краю. Но мышка недаром названа ласково-уменьшительно. Это известный художественный приём, гротеск, акцентирование внимания путём искусственного усиления контраста между грандиозным масштабом действия и миниатюрным масштабом его вершителя.

Автор показывает не конкретно математический, а идеологический масштаб происходящего. Идеологически

событие чудовищно. На деле же, быстрое хищное животное большого размера с мощным хлётким хвостом возникло ниоткуда и с неумолимой стихийной силой сбросило крепкое золотое яйцо.

Яичко упало и разбилось.

Это уже само по себе нонсенс. Разбилось золотое яйцо! Сказка констатирует ещё один факт, который следует принять как аксиому: уменьшительное «яичко». В уменьшительных сказки – «мышка», «курочка», «яичко» – скрыты космические числительные, это уже рассмотрено на примере мышки, а теперь настало время оценить истинную суть яичка.

Золотое яйцо разбито, и с этого момента о нём все забывают. В таком виде оно уже никого не интересует. Ни деда с бабой, ни мышью, ни курочку Рябу. Можно с уверенностью заключить, что оно не имеет ценности, как слиток драгоценного металла. Вся его ценность – в первозданной целостности, законченности формы, в которой сконцентрирована воспитательная и смысловая значимость. Едва целостность нарушена, яйцо превращается в черепки исчерпанной идеи и пропадает из поля зрения.

Золотое яйцо – пробный камень курочки Рябы в деле усовершенствования деда и бабы – разбито. Мгновенное замешательство героев. Всё замерло. Курочка философски помалкивает, со стороны наблюдая за произведённым эффектом.

Плачет дед, плачет баба.

Игрушка, сломать которую было так заманчиво, так интересно, сломана. Процесс завершился. Жизнь утратила цель. Дед и баба решительно повзростели, оплакивая разбитое яичко. Они поняли, что настоящая жизнь заключается в движении. Что жизнь может иметь смысл. И если он утрачен, не остаётся ничего другого, как плакать. Тем более обидно, что не сами сломали яйцо, а мрачная внешняя сила сделала это походя, преждевременно.

Дед и баба плачут, а курочка Ряба, которая до сих пор наблюдала за событиями и не вмешивалась, но явно что-то имела на уме, утешает их:

Не плачь, дед, не плачь, баба, я снесу вам другое яичко...

Курочка словно ждала этого момента, этого сольного выхода. Автор дословно приводит её речь, не сомневаясь ни на секунду в точности сказанных слов, за которыми проглядывает произвол того, кто способен вертеть правдой жизни по своему усмотрению. Теперь-то дед и баба хотят именно такое яичко, которое утратили. Но курочка Ряба круто завершает дискуссию:

...не золотое, а простое.

Курочка ставит перед фактом заплаканных, недоумевающих деда и бабу. Им вскоре предстоит познакомиться с простым яйцом, о котором они пока не имеют представления. Можно окинуть взглядом перспективу, открывающуюся из немногословной сказки. Перемахнув неопределённый, но, вероятно, немалый период времени от деда и бабу до наших дней, мы видим, что простое яйцо – это и есть то яйцо, которое мы каждое утро разбиваем себе в яичницу. Мы также видим, что с тех пор курочки не несут золотых яиц, даже если курочки рябые.

Теперь следует сделать осторожные выводы, так как очевидно, что под псевдонимом «курочка Ряба» скрывается фигура, облечённая большой властью и обладающая большой силой. Что известно о курочке:

– Сказка названа её именем: «Курочка Ряба»! То есть это сказка о самой курочке, а не о ком-то ещё там упомянутом, о деде и бабе, яйце и мышке.

– «...и была у них курочка Ряба». Бросается в глаза грубый камуфляж: дед и баба – малые дети перед курочкой, но она сознательно ставит себя в зависимость от них, пусть внешнюю. Она прибегает к самоуничижению, чтобы до поры до времени остаться незаметной.

– Курочка одна имеет имя, Ряба. Имя представляет конкретную личность. Все прочие персонажи безымянны. Именуя героя, сказка указывает на его главную роль.

– Курочка способна вершить некие действия, на которые не способен никто другой. Причём исключительно созидательные действия, в отличие от разрушительных действий деда, бабу, мышки.

– Курочка способна задумывать нечто и осуществлять в точности с задуманным. Она сносит золотое яйцо, и оно

становится центром событий. Едва яйцо разбито, курочка, заметно удовлетворённая происшедшим, заявляет, что теперь она снесёт простое яйцо. Слезы напрасны. Золотых яиц больше не будет. Наверняка золотое яичко было ею задумано заранее, а сценарий тщательно разработан.

– И наконец, курочка умеет говорить. Она одна в сказке умеет говорить!

Курочка Ряба не удивлена результатом эксперимента. Скорее, она убедилась в том, что её расчёты были верными. Дед и баба – незрелые агрессивные существа. Первый же пробный предмет, попавший им в руки, они попытались уничтожить, не приложив ни капли умственных усилий для выяснения, что перед ними. Курочка убеждается, что напрасно подарила деду и бабе золотое яичко.

Каково же истинное назначение золотого яйца, изначально определённое курочкой Рябой? Конечно, яйцо было снесено не для того, чтобы его разбили. Курочка была немалого огорчена, когда дед и баба стали взапуски бить его, хотя она могла это предвидеть. А дед и баба отнеслись к яйцу, как к производной от принадлежащего им домашнего животного. Очень прозаически.

Курочка, видно, надеялась, что они будут рассматривать его, любоваться. Сверкающее золотое яйцо! Курочка надеялась, что её дар совершит чудо, и тупое бездействие, в каком дед и баба находились до появления яйца, преобразится в умилённое созерцание, способное пробудить мысль, творчество, движение к возвышенным целям. Каждый раз, глядя на золотое яйцо, лишённое малейшего практического смысла, они будут озадачиваться его назначением. И однажды поймут.

Не исключено, что курочка сама призывает на помощь мышку или даже создаёт её, желая избавить деда и бабу от бессмысленных стараний разбить яйцо. Могучая мышка роняет яйцо и бесследно исчезает. Похоже, дед и баба с готовой легендой о житье-бытье – тоже создания курочки. Курочка первична по отношению к ним, к яйцу и мышке. Она создала некий примитивный антураж, своеобразный испытательный полигон, запустила туда деда с бабой, озадачив их золотым яичком, и предоставила свободу действия.

После всего случившегося курочка, тем не менее, остаётся с дедом и бабой. Заботясь об их будущем, об их пропитании, она обещает им простое яйцо. Вероятно, дед и баба сразу же разбили и его, убедились, что оно действительно другое, и стали жить-поживать. Но память о золотом яйце, совершенном и абсолютном, осталась.

Если не сумели распорядиться им, то оно было отнято.

Если главной задачей было его разбить, оно было заменено таким, назначение которого быть разбитым и съеденным.

Зато теперь умудрённые опытом дед и баба знают, чем божий дар отличается от яичницы.

2002

ПОСЛЕДНЯЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

Н. Шелу

Однажды всё станет никогда.

Или всегда. Что, собственно, то же самое. А впрочем, не всё станет никогда, а что-то. И тогда всё оставшееся станет всегда. Смерть обозначит впадение короткого тонкого рукава земной жизни в могучую реку жизни вечной, и всё пойдёт так же, как шло до рождения. Одним потоком.

Чем неожиданнее смерть, тем более пугает, требует найти случившемуся оправдание, найти для живых способ предугадать опасность, избежать неожиданного конца. Да и конца вообще. Люди любят подытоживать, закруглять, притягивать одно к другому, отыскивать связи между случайностями, приведшими к смерти, искать в случайностях закономерности. И «каждый примеряет смерть на себя; но эта мысль сама по себе беспредметна; мы можем представить самих себя только живыми»¹.

А старость наступает, порождая тягостное чувство. Будто тихо везут навсегда в чужие края. Каждый день удаляет от родины. Те дела, которые делаешь, успеваешь не все. Те, которые отложил, уже далеко от тебя, до них не дотягиваются руки, и настоящее непрерывно смещается относительно реальных событий и надежд. Как рамка, которая движется, а изображение в ней всё время отстаёт, и в контуре рамки только незначущие пейзажи.

По большому счёту, всё в жизни человека случайность, что ни возьми: дата и место рождения, имя, внешность, характер жены, дети, профессия, смерть. Если бы человек мог знать заранее, как будет умирать, он бы постарался умереть

раньше. Или постарался бы полюбить смерть при жизни, как советуют философы.

Тяжелобольной полюбил кладбище. Гулял по аллеям среди памятников. Лежащие под памятниками были тем высшим светом, в который он намеревался войти, и ничто уже не препятствовало этому. Казалось, задумчиво улыбающийся человек медлит лишь затем, чтобы продлить предвкушение долгожданного события.

Последние поступки, последние слова умершего неизменно вызывают тревожный интерес. Довольно часто никто не помнит их в точности. О том, что они последние, становится известно после. Их воспринимают, как напутствие, совет, урок, предостережение, предвидение. Они – конец ниточки, второй конец которой привязан к причине смерти. Потянешь и вытацишь. Смерть найдёт объяснение и не будет уже пугающей случайностью, станет одной из закономерностей, против которых человек умеет выстраивать защиту. Последнее слово всегда значительно, что бы ни содержало, кем бы ни было высказано. Оно имеет тенденцию превращаться в чёткую точку в конце прожитой фразы. Люди, сокрушённо качая головами, передают его друг другу, как реликвию. Последние слова уже мало относятся к умершему. Это трофей живых.

Люди поминают смерть ежечасно, ежедневно, многократно. Сыплют шутками, глупостями, грубостями. Но едва печать смерти с размаху шлёпнется на этот ворох пустословия, оно обретает роковое звучание. Упоминание смерти накануне смерти расценивается как предчувствие, как предзнаменование.

Последнее слово – символ прощания. Но, как часто случается при прощании, всё оказывается не таким, каким представлялось. И кто с кем прощается? Умиравший с жизнью? Мы с ним? Он с нами? Какова направленность его последнего слова? Хочет ли он что-то ещё успеть взять от жизни или же что-то оставить в ней? Или она его уже не интересует, и он устремлён прочь? Свидетель последних слов обольщается, думая, что поймёт их. Он с усердием ищет смысл, но его уже не найти там, где не действуют логика, время, понятия. Остаётся лишь неполный отпечаток неве-

домого. Иероглиф непереводаемого языка вечности. Если верить легенде, последними словами Раблэ были: «Иду искать великое “Быть Может”»².

Последнее слово, в общем-то, условно последнее. Всего лишь слово, сказанное последним. Его могло и не быть, – человек ушёл, не тронув смертью ничего, принадлежащего жизни. Оно могло не быть услышанным – так умер Гоген, когда никого не было рядом.

В день смерти царь Иван Грозный приказал принести и прочесть завещание, днём долго мылся в бане, после чего велел приготовить доску с шахматами. За шахматами он скоропостижно умер³.

Майкл Фарадей скончался тихо. Весь этот день – с утра до самого заката – он сидел в кресле у окна и смотрел на зелень, на облака, на детей у ручья⁴.

Свидетель предсмертного молчания, невольно наполняет его своим отношением, своим смыслом. Громадность предсмертного молчания объёмнее любых слов.

Жизнь неустанно делает в людях различия, а смерть одним махом превращает всех в ровесников. Там, где нет времени, все ровесники.

Христос сказал перед смертью: «Или́, Или́! ламá са-вахфани́?» то есть: «Боже Мой, Боже Мой! – для чего Ты Меня оставил?»⁵

В последних словах истинно верующего звучит убеждение, что это не конец, а начало. Иоган Себастьян Бах говорил перед смертью своей жене приблизительно так: «...там, куда я ухожу, цветы ещё прекраснее и такая музыка, о которой мы здесь, ты и я, могли только мечтать. И глаза мои узрят самого Господа!» Смерти Баха предшествовало воистину чудо: он, долго лежавший слепым, прозрел⁶.

Великий путешественник Марко Поло относился к смерти, как к окончанию всех путешествий. Как к абсолютному концу. Он отказался от услуг священника, но попросил верного слугу рассказывать о пройденных вместе дорогах, об удивительных приключениях, которые с ними случались⁷.

Последним словом может стать и военный клич, призыв к схватке. Последнее слово сражающегося – его злая

молитва. Лаконичное, сильное, оно назначает истинную цену человеческой жизни:

«Банзай!»

«За царя! За Родину! За веру!»

«За свободу!»

Но для живых наиболее ценными, вызывающими трепет, доверие и оттого накрепко врезающимися в память, являются последние слова, итоговость которых подтверждена самим уходящим. Слова тихого осознанного прощания. Слова выдохи. Их берегут, возвращаются к ним и мысленно спрашивают себя: «А каким будет моё последнее слово?»

Домье три дня был в беспамятстве, но перед смертью сознание вернулось к нему. Он пожал руки друзьям, попросился с женой. Потом очень спокойно сказал: «Это всё»⁸.

«Кончена жизнь», сказал Пушкин, обращаясь к Далу, неотлучно дежурившему при нём... «Жизнь кончена!» – повторил он внятно и положительно. «Тяжело дышать, давит!» – были последние слова его⁹.

Есть ли кто-нибудь, кто уже знает, что скажет на пороге смерти? Но найдутся ли при жизни те особенные слова, которые были бы достойны увенчать конец? Оставим всё на произвол судьбы. Каким последнее слово будет, таким и будет. Нельзя заготовить его, как речь, раз и навсегда. Даже предусмотрительная старушка, собравшая одежду «на смерть», вынуждена менять её, если одежда от долгого хранения трачена молью.

Каждое слово может оказаться последним. Это зачастую экспромт. Он может и не удался. Это может быть ответ на рядовое мгновение: «Чёрт возьми!» «Ой!..» Или что-нибудь покрепче. Или растерянное мычание «мама-а-а-а-а!..» Как рассказал альпинист, вспоминая юность, горы. Ломанные на скалах кости призывали к осторожности, и вдруг – в пушистый снег, в лавину, во вторую свою. Мокрую, страшную. Не вспоминалась прожитая жизнь, было только оцепенение, и при попытке выбраться твердил беспомощно: «мама-а-а-а-а-а!..»

Смерть не нужно искать, она сама тебя найдёт. Это держит живущего в тонусе, незаметно возбуждает, похоже

на заурядные кошки-мышки, где по правилам смерть нападает первой. Если же первым нападает человек, он или ничего не скажет, или оставит записку. Предсмертные записки стоят особняком в перечне последних слов. Это слова, над которыми действительно задумывался уходящий из жизни. Они ничего не раскрывают кроме твёрдой решимости умереть.

«В моей смерти прошу никого не винить».

«В моей смерти прошу винить Клаву К.»

«Я верил. Но теперь моя вера никому не понятна». И в петлю. Последняя записка принадлежит легендарному Павлику Морозову, прожившему длинную незаметную жизнь и покончившему с собой после откровенной беседы с интервьюером.

Учёный-исследователь, введя себе дозу неизлечимых палочек, оставил описание предсмертных ощущений. Это было его последнее слово.

Обратившись к фактам, к конкретным последним словам ушедших, разных – великих и обыкновенных, хороших и плохих, верующих и неверующих, снова убеждаешься, что люди перед смертью говорят то же, что перед сном или перед завтраком – что думают, что хотят. Что попало. А живые хватают это слово и передают друг другу, что-то забывая, что-то добавляя, оттеняя иной интонацией. И мы уже не знаем, таким ли было последнее слово простившегося с нами, или таким его хотели услышать те, кто его подхватил.

Поучительны примеры древности. Океан человечества долго перекачивал их, пока не отшлифовал переводами и толкованиями в абсолютные учебные пособия.

«О, Солон, Солон!» – горестно воскликнул перед казнью захваченный в плен Киром Крész, признавая правоту Солона в том, что «...никого нельзя назвать счастливым до его кончины ...ибо шаткость и изменчивость судеб человеческих таковы, что достаточно какого-нибудь ничтожнейшего толчка, – и всё тут же меняется»¹⁰.

Корабль, на котором находился Публий Корнелий Сципион Назика, подвергся нападению цезарианцев, и Сципион, видя, что сопротивление невозможно, пронзил себя

мечом. Когда подбежавшие к нему вражеские воины спросили его: «Где военачальник?», он, умирая, ответил: «Военачальник чувствует себя превосходно»¹¹.

Эпаминонд, смертельно раненный в сражении под Мантинеей, умирая, сказал: «Я прожил достаточно, так как умираю, не быв побеждённым»¹².

По легенде Пифагор сказал воину, занёсшему над ним меч: «Ты заслонил мне солнце».

Жанна д'Арк, боявшаяся долгого мучения, призналась перед сожжением, что лучше бы ей сто раз отрубили голову¹³.

Несомненная черта прощального слова – искренность. В этой последней схватке между смертью и человеком нет больше места притворству, приходится говорить начистоту. Только тогда из глубины души вырываются искренние слова.

Бернард Шоу в последнем интервью на вопрос, какой бы конец он предпочел, ответил, сожалея о несостоявшейся большой любви, что хотел бы умереть от руки ревнивого мужа.

Ренуар настойчиво просил: «Дайте мне мою палитру... Вон там два бекаса... Поверните влево голову бекаса! Иначе я не смогу написать клюв!.. Переместите этих бекасов! Краски мне, скорей!.. Дайте сюда палитру...»¹⁴

В последние часы своей жизни Мария Кюри, пытаясь мешать чай ложкой, но так, будто это шпатель, спросила: «Это приготовлено из радия или мезотория?»¹⁵

Последние слова умирающего, его прощание с жизнью, обращение к товарищам, собеседнику, а иногда к коню или птице, если собеседника нет, – одна из наиболее нежных песенных тем. Песенная судьба Кудияра-атамана перекликается с исторической судьбой Емельяна Пугачёва, который перед казнью просил у народа прощения. Он «...сделал с крестным знаменем несколько земных поклонов, обратясь к соборам, потом с утороплённым видом стал прощаться с народом; кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосом: “Прости, народ православный; отпусти мне, в чём я согрубил перед тобою; прости, народ православный!”»¹⁶

В песне слова умирающего звучат как завещание, свободны от злобы и мстительности. Они ставят точку в нужном месте, что не всегда удаётся в реальной судьбе. «Ты, конёк вороной, передай дорогой, что я честно погиб за рабочих». «Чёрный ворон, что ты вьёшься над моею головой?» «Без любви, без ласки пропадаю я, белая берёза, милая моя». «Стал я грустным и печальным поутру... Друг мой тайный, друг мой дальний. Я умру...», «Не грусти, не печалуйся, мать Надежда. Остаются ещё у тебя сыновья».

Люди надеются, что в последний час успеют сказать то прекрасное, нежное, благодарное и грустное, что у них на душе. Люди мечтают именно о таком завершении жизненного пути. Песни отвечают мечтам, рисуя идеальные картины прощаний. Но в жизни всё перепутано и неожиданно осмеяно. Долгая сосредоточенность на высоком и печальном невозможна. Анекдоты о смерти – натуральное слабительное средство, разрушающее каменные запоры смерти, которой решительно отказано в почтении. Вся соль анекдотов сводится к последним словам, будь то Василий Иванович или старый еврей, бендеровец или путешественник, которого готовы съесть туземцы.

Последние слова ранят особенно, ведь мы знаем, что они последние. Но разве можно сделать заключение, что Ренуар, просивший перед смертью палитру, более сильный художник, чем Сёра или Гоген, не оставившие последнего слова? Разве можно с твёрдой уверенностью сказать, что Домье мудрее всех, раз в его последних словах звучит осознанная итоговость? Неужели из последних слов Марии Кюри, до конца говорившей о любимой работе, можно заключить, что она более талантлива, чем Фарадей, умерший в молчании?

Человек не умеет умирать. Он умирает впервые и не готов к смерти, хотя всю жизнь её ждал. Последнее слово то же, что и первое – плач. Оно ничего не раскроет, ибо подлинному отчаянию чужды размышления. Надо слушать людей, пока они живы. Остаётся склонить голову перед Сократом, который показал, что последнее слово – просто шаг по жизни, такой же, как предыдущие. Он «...ещё немного походил, а когда отяжелели ноги, лёг на тюремный пол и заку-

тался. Затем, раскрывшись, сказал: «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте»¹⁷.

Можно составить антологию концов, антологию последних слов или молчаний, но ничего кроме глубокой печали, смешанной с простодушным удивлением, оттуда не почерпнуть. Ведь последние слова, как всё, что мы встречаем в жизни, – случайность. Но их щемящая проникновенность заключается в том, что они – последняя случайность.

2001

ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ

Райское блаженство ЗАКОНОМЕРНО.

А на земле человек счастлив **ВОПРЕКИ**.

О да, человек бывает счастлив. Тот, кто знает это чудесное состояние, никогда не спутает его ни с какими другими впечатлениями.

Человек может быть счастлив. Хотя и не должен быть счастлив, как раз потому, что он человек, а значит, зависим, раним, озлоблен. Счастье самородком выскакивает к нему из напластований крупных печалей и мелкого вредительства жизненных ситуаций, составляющих то, чему вопреки.

Счастье – редкостное ископаемое тех времён, когда зла в мире ещё не было. Любой успех, достигнутый недобрыми ухищрениями, даже мелким жульничеством, даже просто в сопровождении недобрых замыслов, приносит разной силы удовлетворение, но не счастье. Именно в человеке совмещаются несовместимые зло и счастье. Счастье – те краткие мгновения, когда в человеке нет зла. Вернее – освобождение от зла делает человека счастливым. Причина и следствие неуловимо меняются местами, не меня сути. Как в песенке: «А во-вторых, достаточно во-первых...» Счастливый свободен от зла. В эти мгновения он ангельски чист. Свят. Но едва возвращается зло, счастье улетучивается, оставляя лишь нежное удивление, лишь томную усталость – дивный след чего-то неземного. Счастье – свойство только человеческого. И достаивается его только тот, в ком человек одолел зверя.

Иногда счастье объясняют отсутствием физической боли, горестных потерь, бедствий, страха. Однако и в невзгодах человек способен пережить это прекрасное состояние. Но обычно счастье приравнивают к большой радости, свя-

занной с достижением желаемого или, наоборот, связанной с избавлением от нежелаемого. Вот отсюда и произрастает идея оприходовать счастье, как-нибудь научиться его вылавливать по своему хотению без щучьего веления. Очень соблазнительно сделать счастье управляемым, зависимым от некоего реального события или объекта. Посадить его на надёжную цепь: я хотел – я получил – я счастлив. Но счастье не поддаётся логике.

Человек добивается успеха своим трудом, он удовлетворён, рад и говорит, что счастлив. Но на самом деле для полного счастья необходима своевременная прицельная подкачка с неба. Суть счастья – божественный произвол. Говорят: «Ему везёт!» И мы уже чуем ревнивым носом ветер, овевающий счастливца. Говорят: «Везёт дуракам!» И мы уже хотим быть дураками. Но почему им везёт?

Дураки отличаются отсутствием здравого смысла, не способны учиться на ошибках, собирать факты в копилку жизненного опыта. Они всегда действуют наново. Дурак не ходит проторёнными путями логических цепочек, где предусмотрительными людьми наставлены ловушки для счастья. Но и нелепая дурацкая случайность, заведшая неразумного в чащобу, может оказаться счастливой. Дурак прёт напролом и находит счастье. Но не своё, а их, разумных людей, счастье. Сам он его счастьем не считает и без сожаления расстаётся и с богатством, и с царевной, и с конём. А люди всё равно недовольны. Уж они бы, встретив счастье, распорядились бы им куда более разумно, уж они бы ни крупницы не обронили.

Что же считает счастьем дурак, если не то, что считают счастьем обычные люди? Он смотрит на мир глазами ребёнка, которому нужно только удивительное и небывалое. Зачерпнул воду ведром, а в ведре говорящая щука. Забросил рваную сеть, а там золотая рыбка. Задрал голову вверх, а на трубе сидит медведь. Это не счастье-обладание, а счастье-переживание, оно безмерно. Оно и есть дурацкое. Не вещественное, не отягощённое мучительными расчётами: как бы из чуда выжать материальное благополучие. Будьте как дети.

Счастье без причины. Райское блаженство. А смех без причины – признак дурачины. Состояние счастья не подпёр-

то никакими заслугами. Одна только есть заслуга: Я ЖИВУ. Но мы все живём. И не так уж счастливы. А однажды вдруг именно из этой аксиомы возникает всеохватывающий восторг счастья. Из обыденности извлекается экстракт благодати, не разбавленный мелочными расчётами о выгоде. Люди сбивчиво и странно рассказывают о пережитом счастье.

– Это когда просыпаешься утром. Что это? Что так? А, это счастье!

– Шёл по улице, а рядом двое говорили об очень скучных вещах, и пришлось слушать. И я подумал: ну и что, и всё равно... Почему-то мне всё равно. И понял, я счастлив!

– Это сидеть у реки и глядеть на поплавок. И ни о чём не думать.

– Это как во сне. Мне снилось, что я иду по полуденной летней дороге между полем и лесом. Впереди меня идёт мужчина. Его загорелая спина, мокрая от пота, блестит на солнце. Я не вижу его лица и не знаю, кто он. Я иду следом, влекомая одним единственным чувством – безграничной любовью, и уверена, что он также безгранично любит меня. Громадной силы взаимность связывает нас. Лаконизм окружения – всего лишь оформление законченного в своём великолепии чувства. Мерный шаг, непоколебимый покой и абсолютная вера слагаются в неземное блаженство, которое не в силах вынести человек. И я проснулась.

– Это случается, когда я зимним вечером иду домой, когда сворачиваю с шумной улицы на свою и прохожу по ней один дом. Там у чугунных ворот оно и наступает. Медленный снег. Хочется тихо смеяться.

Опять мелодично звучит загадочный смех без причины. Любая причина отяжеляет его, делает объяснимым. Кроме ПЕРВОпричины. Кроме «Я ЖИВУ». Стихийное угадывание первопричины, угадывание близкого счастья вызывает этот особенный смех. Он очень отличается от всех причинных. От саркастического, демонического, иронического, весёлого, радостного, победного... Смех без причины. Непередаваемое ощущение, непередаваемое состояние. Голос звучит иначе. Тело в рабстве у голоса. Судороги птичьего горла. Слезы на глазах. Песня восторга и наслаждения. Заразная песня жизни. Так может смеяться только человек.

Счастье наступает среди повседневных забот, останавливает и заставляет поднять голову, распрямить плечи, забыть про всё и засмеяться мелодичным смехом. Счастье – озарение. И вдохновение – озарение. У них одна природа. Они подобны по своей стихийной сути. Но вдохновение даёт реальные плоды, а счастье бесплодно. Его невозможно использовать. Оно не оформляется во что-либо конкретное. Вернее, счастье и есть плод. Райский плод.

Счастье, вдохновение, искусство. Люди рано поняли, что реальность далека от совершенства, что совершенство – редчайшее явление. Поэтому стремились облагородить образы природы, освободить их от недостатков, отточить их достоинства. Этим путём в жизнь вошли произведения искусства. Однако создать совершенство оказалось невероятно сложно из-за несчитываемой непредсказуемой составляющей – вдохновения. Счастье доступно всем. А вдохновение приходит лишь к талантливым. И плодами вдохновения являются произведения искусства, в которых заложена возможность вызывать в людях восхищение от соприкосновения с совершенством, основа которого – гармония.

Но откуда приходит беспричинное счастье, то, которое наступает зимним вечером у чугунной ограды? Где механизм, который извлекает нас из обыденности, очищает от зла и даёт краткое наслаждение счастьем? Где же совершенство, от восприятия которого мы способны залиться сладостными слезами или тихим смехом? Да оно здесь. Просто мы не видим его – столь непомерно оно велико, и потому полагаем, что его нет.

Законы гармонии всеобщы, применимы к объектам разного масштаба. Чем локальнее совершенный образ, тем конкретнее. Чем масштабнее, тем отвлечённей. Масштаб самого значительного произведения искусства скромнее многих произведений природы. И оба они скромнее того события, того неохватного образа, который вмещают в себя слова «Я ЖИВУ». Испытать беспричинное счастье – это почувствовать гармонию вселенского масштаба, когда на какой-то короткий момент биение твоего пульса совпадает с биением пульса вселенной, и ты ощущаешь себя с ней единым целым. Нечто подобное испытывает человек, поющий в хоре, когда

уже не слышит своего голоса, который слился с другими и стал с ними неделимым целым.

Люди способны поймать счастье и владеть им, увидав, услышав, восприняв, угадав совершенство, ощутив под своей ладонью оперение этой райской птицы. Райская птица... Жар-Птица... Жар-Птица! Один из обязательных символов сказочного обладания. Бесплезное существо, не нужное ни царю, ни дураку, ни первоначальному владельцу, у которого от неё одни хлопоты. Но однажды царь непременно попросит Ивана-дурака принести ему Жар-Птицу. Иван добудет её для царя, но сохранит у себя одно обронённое перо. И суть волшебной сказки не в испытаниях, выпавших на долю Ивана-дурака, не в успешном их преодолении, а в том, что, оставив себе из всех возможных богатств перо Жар-Птицы, Иван-дурак нашёл способ вызывать счастье по своему желанию. Но только счастье-переживание, а не счастье-обладание.

По сравнению с золотом, принцессой или конём, имеющими утилитарную ценность, Жар-Птица предназначена исключительно для того, чтобы ею любовались. Она совершенство. Она бесценна. А чем дороже вещь, тем она бесполезней. Иван-дурак тайком вытаскивает из-за пазухи переливающееся перо и каждый раз заново обмирает от восхищения.

2003

ИПОСТАСИ ПРОГНОЗА

...Природа не любит никого в отдельности; в своём жизненном сверхизобилии она расточает щедроты всем без различия, слепо, без какого-либо избирательного предпочтения; ибо у природы нет предпочтений... нет намерений... она любит всех, то есть не любит никого: ибо всеобщая любовь, без благоприятствующего предпочтения, есть, скорее, равнодушие.

В. Янкелевич. Прощение.

Прогноз погоды – вот что первым делом приходит на ум, когда речь заходит о прогнозах. Знание о ближайшем дне для обывателя дороже знания о следующем столетии. Сегодня прогноз погоды нам предлагает знание о будущем, а в начале XX века совершенно серьёзно преподносил знание о прошедшем. Трогательный отчёт о погоде в газете 1907 года, отодранной от стены вместе со старыми обоями, начинался словами: «День вчера был пасмурной, серенькай...»

Погода, так живо интересующая нас, – атрибут природы. Политика или спорт – атрибуты общества. Но прогнозировать можно всё, что угодно, – и природу, и общество, и любые их проявления, и всё в целом, не забывая о рычагах, действующих в той или иной сфере, на которую направлено прогнозирование.

Природа подчиняется стихиям – это её могучие рычаги, приводимые в действие неодолимой силой. А общество подчиняется страстям, которые, по сути, те же стихии. Стихия и страсть – рычаги, управляющие всеми на свете объектами прогнозирования. Но чудится, прогнозировать природу можно с куда большей достоверностью, чем общество или отдельного человека. Природа последовательна, её явления всегда имеют под собой объективное основание – некий конкретный факт, за которым закономерно идёт следствие. Природу не бьёт лихорадка спонтанности. В ней всё объяснимо, несмотря на то, что многое ещё не объяснено, а возможно, никогда не будет объяснено. Но в природе и объяснённое, и необъяснённое логично встроено в систему мироздания и смыкается с другими его частями.

При всей своей стихийности природа бесстрашна. Красота её страшна, едва попадаешь в зависимость от неё. Природа безжалостна, вернее, равнодушна. Жалостью озарён только человек. Дети являются природой до тех пор, пока в них не пробуждается жалость, а вместе с ней, её тень – жестокость. Тогда дети становятся людьми. Человек и общество жонглируют жалостью и жестокостью, набрасывая на честные законы природы призрачный, фантасмагоричный камуфляж непоследовательных страстей. Страсть трудно прогнозируема. Страсть, даже если ею одержима всего одна личность, способна сдвинуть горы. Значение личности в истории велико. Страсть могущественнее стихии. Человек могущественнее природы.

Прелесть прогноза в том, что он несёт в себе непредсказуемое. Это раздражает тех, кто занимается точными науками, но это радует гуманитариев, которые плодят безответственные варианты будущего и носятся с ними до тех пор, пока не будут оглушены опровержениями.

Прогноз может быть и безответственным, и ответственным, но он отвечает основному принципу приблизительности – вероятности, свободы высказывания, догадки, игры идей, тасовки фактов. Ответственный прогноз погоды, выполненный на основе математического анализа множества факторов, часто ничем не отличается от безответственного предположения обывателя, выглянувшего в окно. Зыбкость, текучесть прогноза порождает трепет творческого открытия.

Способность держать нос по ветру – отличительная черта того, кто склонен строить предположения и находит в этой игре свой интерес. Среди обывателей прогноз низведён до сплетни. Сплетник, стягивая в единое целое случайности, стремится округлить своё предположение быстрее, чем оно будет развенчано действительностью, стремится создать версию, насыщенную силой убеждения, одухотворённую страстью и живучую, вопреки истине и здравому смыслу. Факт ещё не подтверждён, его очертания едва проступили над гладью безразличия, а бурная фантазия сплетника уже достраивает фрагмент конструкциями, подводя базу, торопясь вылепить взрывной прогноз, прежде чем факт обнаружит себя во всей своей скучной определённости.

Сплетня живуча, она подкреплена плодородным словом низменных страстей, запальчивостью. Сплетня горяча, воспаляет воображение, легко внедряется даже в трезвое и холодное сознание. Она непосредственна, обворожительна и убедительна. Но сплетня всегда базируется хоть на крошечном факте, хоть на его обломочке.

Там, где нет фактов, заявляет свои права гадание. В одной из классических русских пьес героиня говорит служанке: «Надо бы посоветоваться с умным человеком, у нас поблизости есть гадалка?» Узнав, что поблизости гадалки нет, восклицает: «Что за страна наша, в которой нет самого необходимого!»

Гадание – своеобразный прогноз, но озаряемый грозными зарницами пророчества. Гадание – средство концентрации ограниченных сил и возможностей, план действий, закодированный в необязательности, путь, который предложен из множества. Если будущее темно, то естественно выбрать путь, указанный гаданием, даже если он плох. Другие пути могут оказаться хуже. Так сказочный богатырь выбирает на распутье одно из предложенных зол.

Властители гадания – цыгане. Создаётся впечатление, что они несут знание, скрытое от них же самих. Иными словами – они похожи на спортсменов, которые несутся на досках по гигантским скатам морских валов, подыгрывая стихии, которая даже не подозревает об их существовании. А непосвящённым чудится, что спортсмены этой стихией управляют, поэтому в отношении к ним присутствует восхищение, граничащее с мистическим ужасом.

Цыгане отлично знают, каково их истинное значение на валах страстей, по которым они скользят. Поэтому не любят, когда на их предложение погадать кому-то, этот кто-то заявляет, что сам может им погадать. Вот верный способ избавиться от назойливых гадалок. Они немедленно уходят. Обманывающий знает, что однажды сам будет обманут. Цыгане боятся не обмана, а правды. Они сами больше всех боятся исполнения прогноза.

Едва ли найдётся человек, который не гадал у цыган, не заглядывал с их помощью в неизвестное. Однако, на какие же глубины в человеческом сознании посягают цыгане,

безбоязненно действуя двумя примитивными рычагами: своей роковой славой и инстинктивным ужасом человека перед неизвестным. Как это случается? А просто.

Было лето. По улице шла молодая женщина в цветном платье. Много людей вокруг. Хорошее настроение, способствующее совершению необдуманных поступков. Увидела цыганок, замедлила шаг. Чутко угадав в этом движении желание рискнуть, к ней подошла цыганка в жёлтом платке.

– Погадаю, красавица? Тебе только за копеечку.

Пытливо глянула в глаза, поправила у себя на животе перекинутую через плечо перевязь с младенцем. Легкомысленная в цветном платье махнула рукой.

– Погадай.

Ей, собственно, ничего не надо было узнать. Вместе с цыганкой отошла за нагретые солнцем легковые машины на стоянке, достала из кармана копеечку. Цыганка спрятала её в складки одежды и взяла руку, вглядываясь в линии ладони. Женщина стояла перед ней, с интересом разглядывая, не испытывая ни страха, ни опасения, только любопытство.

– Дай носовой платок. Я его верну, – вскинула голову цыганка. – И один твой волос.

Ловко выдернула волос, завернула в протянутый ей носовой платок и спрятала платок в складки одежды вслед за копеечкой. Опять взяла руку и всмотрелась в ладонь, водя по ней длинным смуглым пальцем.

– Дай бумажные деньги. Любую. Хоть самую мелкую, но бумажку. Я верну. Без этого не могу.

Женщина засомневалась, но достала кошелёк. Открыла. Там лежала одна единственная большая купюра. Решительно убрала кошелёк.

– Не надо больше гадать.

– Ты что?! Нельзя останавливаться, – схватила за руку. – Не веришь? Я верну. Нужно для верности.

На восклицание оглянулись другие цыганки, приблизились, сверкая глазами и украшениями.

– Нельзя останавливаться!

– Хватит. Не хочу.

Цыганки столпились, не выпуская из кольца. Та, которая гадала, пронзительно глянула, сказала угрожающе:

– Как хочешь. Иди. Дома найдёшь мертвеца.

– Это ребёнок? – женщина тронула тряпичный куль на перевязи. – Правда, ребёнок? Не тряпки? – Цыганка оцепенело глядела на неё. Тогда женщина сказала: – А я желаю тебе, чтобы с ним ничего плохого не случилось.

– Иди! – очнувшись, закричала цыганка и, как фокусник достала скомканный платок из складок одежды, швырнула его в спину уходящей. – Забери!

Женщина выбралась из толпы цыганок, унося в себе смертную тоску. Никого из семьи дома не было. Все разъехались: муж к матери в деревню, старшая дочь с бабушкой и дедушкой в другой город, только младшая дочь была сейчас в детском саду. «Кто?» – думала угнетённо, одновременно зная, что никто, и нет здесь никакой связи. «Но всё же, кто? Кого я сдала за бумажную купюру, которая осталась в кошельке?» Отменила все планы, бросилась в детский сад. Нянька вывела к ней младшую дочь. «Минус один» – подумала и расплакалась, удивив ребёнка. Вечером вернулся муж. Зло подумала: «Минус два... Проклятая цыганка! Манипулирует сокровенным. Какое она имеет на это право? Вершительница воли каких сил? Почему предсказание способно всё оплести своими холодными щупальцами? Или я сама допускаю это одним своим желанием гадать? Почему я не могу опротестовать его разумом, обозвав абсурдом и дичью? Цыганка знала, что отравит мне жизнь. Она тронула струны, которые играют беспронгрышно. Но она растерялась, едва я тронула её тряпичный куль. Боялась за младенца или боялась, что я догадаюсь, что его там нет? Вот каких простых вещей она боялась». Оставалось трое. Они позвонили через два дня. Ничего не случилось.

Сколько должно пройти времени, чтобы убедиться, что действительно ничего не случилось и не случится? Чтобы отпустила смертная тоска? День, неделя, месяц? В сонниках есть сроки для вещей снов, такой сон должен сбыться чуть ли не в тот же день, ну, в течение нескольких дней. Если не сбывается, то и не сбудется. Прогнозы такого рода, будь то сны или гадания, равнозначны и по достоверности, и по недостоверности, видимо, и сроки осуществления этих прогнозов одинаковы. Пара-тройка дней. Прогноз погоды, кстати,

тоже дольше не живёт, оперативно заменяется другим. Люди страстно желают знать будущее, но ужасно боятся узнать о нём что-то страшное. Единственный прогноз, который не страшен, это прогноз погоды, поэтому все с такой увлечённостью следят за ним.

А бывает, предсказание громыхнёт над головой без всякой причины. Вдруг из мути ненастья выстреливает перст указующий, и незнакомый голос изрекает пророчество. Шёл человек себе с работы домой, думал о своём обычном и обыденном, в наушниках бухала музыка. На обочине затормозила машина, окна чёрные, непроницаемые. Одно стекло поползло вниз, там обнаружилась встрёпанная смуглая старуха. Человек заметил не сразу. Старухе пришлось наполовину высунуться, чтобы он обратил на неё внимание. Сдёрнул наушники. Подошёл неохотно. Больно уж чёрная машина, и зловещая старуха. Та стала спрашивать, как проехать куда-то, человек наклонился, объясняя. Но старуха отстранилась, открывая водителя, раздутого, с коричневым неподвижным лицом.

– Не мне говори, ему.

Пришлось повторить. Водитель не переспрашивал, не двигался, сидел, будто чучело. Человек отступил с облегчением, но старуха поймала его за рукав, потянула ближе:

– Сплюнь через левое плечо три раза.

– Зачем это? – отнял рукав.

– На тебе порча большая, гроб жди в доме, – интонация сочувственная.

Стекло поползло вверх, лакированный катафалк уехал. Человек вернул в уши наушники и пошёл дальше злой и встревоженный. Вот так, неожиданно-негаданно тебе прогноз. Семья большая, все взрослые, где-то носятся, за рублём, за рулём. Кто в том гробу, который ждёт в доме? С отвращением сплюнул три раза через левое плечо.

Рассуждения о будущем... Главное, в каком масштабе прогнозировать. Прогноз в масштабе бога абсолютен. Он звучит так: «бог вечен», здесь без перемен. В масштабе природы и времён года прогноз надёжен. И если всё человечество исчезнет, то солнце останется, земля останется, луна

останется, вода останется, воздух останется. А значит, однажды наступит весна. И если к тому времени обнаружится на земле хоть один человек, то к ней примешаются его тоска, мечты.

Если прогнозировать в масштабе человека, то прогноз уже менее достоверен: поправки будут внесены страстями. Простейшая зависимость: «Если я поступлю так-то, то произойдёт то-то». Опираясь на неё, можно более-менее прогнозировать ближайшее будущее, приговаривая по совету апостола Павла: «Если будет на то воля Господа, и мы будем живы». Но бог – совершенная стихия, перешагнувшая страсти. Как и в природе, в нём нет жалости, нет жестокости. Есть только воля. А страсти – свойства низшего создания, человека. Бог создал человека по своему образу и подобию, а человек также создаёт бога и наделяет страстями и его, и природу, лелея надежду понять их и быть понятым ими.

1999–2009

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Избегай того, что дают даром.

Взамен с тебя непременно возьмут что-то, что значительно ценнее денег. И не сейчас, а потом, когда ты обо всём забудешь. Возьмут то, о чём даже не догадываешься, что это и есть главная ценность. Как в той сказке, где купец обещает отдать то, чего у него в доме не было, когда он его покидал. Приехав, купец узнаёт о родившемся у него ребёнке, а делать нечего, надо отдавать. И он плачет, укоряя себя в недальновидности.

Внезапное исполнение какого-либо конкретного желания сразу ломает жизнь. Спасение в одном: надо заказать нечто отвлечённое и великое.

Невидимые, не предполагаемые ценности прячутся и в настоящем, и в будущем. Жаждающий дармового обогащения забывает, что имеет будущее. Он заранее отказывается от будущего, которое получилось бы из настоящего без волшебного вмешательства дармовщины. Он выбирает теперь только новое, изобильное будущее, смотрит на него только через призму сегодняшней удачи. Без этого внезапного дара будущее не привлекательно, беречь его не хочется.

Нужно быть особо предусмотрительным и осторожным, чтобы не растратить то, о существовании чего ты не знал, что ещё только зарождается в настоящем. Надо всегда помнить, что есть многое в жизни, что не измеряется золотом и ценными бумагами, скрыто за банальностью и привычкой, что принимается автоматически. И только будучи отнятыми, эти невидимые обстоятельства и вещи обретают истинные ценность и значение, и жить без них становится невозможно.

А мало ли на что положит глаз дармовщина? И что отнимет – близких, покой, дружбу, любовь, жизнь? Дармовщина даёт одно, а отнимает совсем другое. И отнимает лишь для того, чтобы стала понятной разница между тем, что человек получил, и тем, чего он лишился. Хитроумный обмен дарового количества на кажущееся ненужным качество.

Человек болезненно мечтает об избытке.

Но всё, что слишком, обычно плохо.

До тех пор, пока прибыль остаётся в пределах меры, она не удовлетворяет ненасытного. Когда же прибыль переходит меру, она уничтожает ненасытного. «Горшочек, вари!» – в запальчивости готов крикнуть каждый. Но «Горшочек, не вари!» – не каждый вымолвит. И не потому, что забыл заветные слова, просто язык жадины не поворачивается дать приказ остановиться рогу изобилия. Привыкший только брать патологически не способен отдавать. Джафар утонул бы, если бы проницательный Насреддин не догадался крикнуть ему «Бери руку!» вместо «Давай руку!»

Управлять избытком умеет только умеренность.

Но как раз она и не мечтает об избытке.

Человека всегда поражает количество того, что он получил даром. Поначалу он не замечает потери такой малости, как независимость и покой умеренности. Чем бóльшим богатством он обладает, тем более им связан. Свобода скована необходимостью служить богатству. Безграничное богатство равноценно жестокому рабству. А умеренность – радость свободы, данная единицам.

По-настоящему счастлив тот, кто не догадывается о том, что он несчастлив.

Мы сочувствуем умалишённым, а они не понимают нашего сочувствия и безразличны к нему. Мы сочувствуем им, сравнивая себя с ними, мы ужасаемся пропасти между тем, что мы есть, и тем, чем могли бы быть. А они не сравнивают нас с собой, потому что самодостаточны. Они считают, что все люди одинаковы. А впрочем, они ничего не считают и пользуются только тем, что имеют.

У большинства людей область желаний многократно превосходит область возможностей. Чем лучше человек ображается, тем реальнее он оценивает эту разницу, но всё

равно не может умерить размах желаний. Наиболее здравомыслящие люди в порыве платонической любви к желаниям называют их мечтами. Радуются тому, что имеют, и не жаждут большего. Но даже эти редкие счастливицы чего-то жаждут.

Все страдания человека произрастают из горестной паузы, залёгшей между желаниями и возможностями. Желание – первопричина всех страстей. Отними у человека желание, и даже трудно себе представить, что получится, что останется. Практически ничего не останется. И не о чем будет говорить. Собственно, желание иметь что-либо без усилий, просто так... даром! – первое желание жаждущего.

Желание горячо. Много сказок посвящено исполнению желаний.

Сказки всеми любимы, они иллюстрируют, как без чрезмерных усилий достичь небывалого обычным людям. Сказка убедительно утешительна, не скрывает мораль, но и не навязывает её. Но есть чётко прослеживаемая закономерность: исполнение желаний предлагается только в случае, когда главный герой некрасив, придурковат, ленив, труслив, – то есть ничего не способен получить от жизни из-за ущербных природных данных. Сказка даёт ему шанс, поднимая на гребне волны золотую рыбку, или подбрасывая джинна в медной лампе, или выращивая в палисаднике цветик-семицветик... А в это время красивый, сильный, умный и решительный герой добывается всего сам, хотя и при некотором сочувствии добрых сил.

Исполнение скольких желаний обещают сказки? Есть версии с исполнением одного, трёх, семи и множества желаний. Очевидна приверженность к нечётным цифрам.

Одно желание. Каким оно должно быть, чтобы внутри его исполнения не потерялось имеющееся, не возникло рабства перед прибывающим, и существовала бы возможность избавления от всего, утратившего интерес и необходимость? Наиболее характерна «Сказка о рыбаке и рыбке», которая наглядно показывает, насколько бесполезно для человека исполнение одного желания. Если каждое желание старухи рассматривать отдельно, то ни одно из них не способно удовлетворить не только её, но и любого.

Если обратиться к сказкам, можно найти много интересного и поучительного касательно денег и богатства, над чем стоит задуматься. Сказка, собственно, модель для проверки всяческих бытовых версий. «Сказка о рыбаке и рыбке» вовсе не о богатстве. В ней объективно показано противостояние покупаемого и не покупаемого и непреодолимая граница между ними. Высшая власть – власть духа, потому-то рыбка и золотая, она идеальна. Высшая власть – власть над целым. Всеобъемлющая. Низшая власть – власть денег, власть над бесчисленным количеством единичного.

Главная ошибка человека, стремящегося к обогащению, в том, что он путает возможности той и другой власти. Он низшей власти приписывает возможности высшей. В сказке о золотой рыбке всё дело как раз в этом. Очень важно, в какой последовательности и что просит у рыбки старик по наущению старухи: вещь, власть, неограниченное могущество. Старуха сообразила, что бесконечно по мелочам просить невозможно, надо просить то, что является источником всего. Старуха оказалась умна и – чего проще – захотела стать властительницей властительницы. Она с третьей попытки попала в точку. Но она не знала, что действительно всем обладает только тот, кто духовно богат. Это богатство невидимо, эфемерно, его как бы и нет. Золотая рыбка – символ этого невидимого богатства, сомнительного с точки зрения рационального человека, но именно она обладает реальной властью над материальным богатством. И власть эта на самом деле заключается не в накоплении материального, а в пренебрежении к нему. Рыбке, обладающей безграничным могуществом, но попавшейся в сети старика, нужна была только свобода плавать в море. Получив свободу как целое и нерасчленимое, рыбка сразу обрела независимость и покой.

Нищему старику ничего не стоило дать рыбке то, что ей было нужно.

Старуха же, получив корыто, а потом ещё многое, что дала ей светская власть, получила не целое – всеобъемлющее богатство – а лишь возможность увидеть, сколь оно недостижимо. Что принесло ей тяжёлую неудовлетворённость.

Золотая рыбка расстроилась не из-за того, что кто-то захотел владычествовать непосредственно над ней, а из-за того, что материальное захотело владычествовать над духовным. Когда рыбка всё возвращает к исходному состоянию, она возвращает старику и старухе вечные истины, утраченные ими в пылу наживы: самое синее море и довольство тем, что есть. Старик и рыбка – два полюса одного и того же безмятежного состояния, основанного на обладании целым, и это ещё раз иллюстрирует постулат, что душевный покой и богатство существуют в разных системах измерения и независимы друг от друга.

Но мудрая сказка предупреждает, что каждое отдельно взятое желание имеет тенденцию быть последовательно усовершенствованным до универсального желания: владеть орудием исполнения желаний.

Множественность желаний, способных быть исполненными, неинтересна всеядностью и бесцельностью. Сказки иллюстрируют вопиющий произвол в просьбах, ничем не ограниченных. Сказки показывают, с каким упрямым и всегда запоздалым однообразием человек оценивает свои скоропалительные требования. Поняв, что просьба могла быть значительно более, просящий раз за разом наращивает её размах... Не корыто, а изба! Не изба, а дворянство! Не серебряный дворец, а золотой! Не золотой, а алмазный! Дав человеку перебеситься, сказка останавливает его с помощью внешних обстоятельств, потому что сам по себе он остановиться не может. Оскорблённая рыбка всё отменяет, волшебную лампу выкрадывают или она ещё как-то пропадает без возврата. И пересыхает поток воплощённого бреда. И всё исчезает... Важно, что исчезает всё.

Множественность желаний опять же вмещается в то единственное, к которому мучительно и неотвратно приходит просящий: желание обладать орудием исполнения желаний.

Всякое желание в конечном счёте – это вопрос о власти.

Нечётность тройки и семёрки даёт шанс в ограниченном количестве желаний исправить первоначальные торопливые действия. Но семь желаний не показательны. А вот

три желания – вершина, средоточие страстей, сжатых в три точные удара выбора при ошеломительной безмерности возможностей. Запредельный восторг удачи и неуёмный колотун нерешительности от сознания, что с каждым исполненным желанием реальная власть над миром убавляется, как минимум, на треть.

Три желания! Сказка издевательски щедра.

Человек ляпнет глупость – первое желание исполнено, ужаснётся своей глупости – второе желание исполнено, исправится – третье желание исполнено. Только третье желание – разумное и задушевное. Заветное желание. Фактически, три желания – это и есть одно желание, но выстраданное двумя лихорадочными попытками. Третье желание – мудрость, тот созидательный вывод, который придурковатого героя делает задумчивым.

Дурака одно желание не научит, научат только три желания. Вот ненавязчивая мораль сказки.

В обыденной жизни, где никто не предлагает исполнить твои желания, хоть бы ты в узел завязался или спас чью-нибудь жизнь, желания надо учиться исполнять самому. Некоторым это отчасти удается. И они бывают довольны. Раб, которому ничего не надо объяснять – ты сам. Но тот, кто не знает, чего хочет, всегда расстроен. Он хронически хандрит даже там, где так легко восстановить последовательность: плохо – хорошо, плохо – хорошо... хочу пить – напьюсь, хочу есть – наемся... Но что он скажет, если лягушка, приятно взволнованная тем, что он не наступил на неё у болота, обратится к нему со словами: «Я исполню любые твои три желания! Давай, приказывай». А ведь в большинстве случаев как раз к ним, которые не знают, чего хотят, она и обращается.

Но что интересно попросит тот, кто знает, чего хочет? Ведь он твёрдо знает, что хочет очень много всего. Лягушка спрашивает, и человек понимает, что весьма проблематично вместить все свои страсти в какие-то жалкие три желания.

Как поставить мат за три хода?

Как за три хода замкнуть круг и выйти на исходную позицию без урона, но ещё и с наваром?

В бурном расплывчатом море низких и высоких устремлений, в калейдоскопе скачущих возможностей, в ситуации нажима, в лихорадке от необходимости решать быстро, человек никогда не скажет то, что на самом деле достойно быть исполненным. На это и рассчитывает хитрая лягушка, врываясь в судьбу героя внезапно и без предупреждения и требуя мгновенного ответа.

Три желания!

Всего три?

Цельх три.

Никогда не получается вразумительно объяснить, чего ты хочешь, даже если знаешь. И то прекрасное, что с человеком происходит случайно, всегда прекраснее того, что он мог бы себе пожелать.

Как уложить в три желания неограниченность свободы, неограниченность обладания, неограниченность существования, неограниченность власти, – которые к тому же должны всегда оставаться в распоряжении просителя, не быть конечными, не улетучиваться после того, как три желания будут исчерпаны? Чтобы тремя лихими росчерками всё отнять у бога, но ничего ему не отдать, не потерять ни крупицы человеческого, – ни крошки на замусоленной кухонной скатерти, не говоря о новорождённом ребенке.

Надо бы основать Международный университет Трёх желаний, главная цель которого – аккумулировать три глобальных желания человечества. Их следует держать наготове. Ведь мы на пороге невероятного, чем чёрт не шутит. И хоть каждый здравомыслящий понимает, что рыбки и лягушки с волшебными свойствами водятся только в сказках, и ленится задумываться над этими проблемами, а всё равно следует, пусть просто так, как голую теорию, разработать три желания. Может, они пригодятся грядущим поколениям, у которых мы отнимаем воду, воздух и ресурсы, растраниживая их направо и налево? А может, грядущим поколениям смешно будет узнать о наших трёх желаниях. И всё таки...

Университет узнает, в частности, чем три желания всего человечества отличаются от трёх желаний одного Ивана-дурака. И кто здесь более изобретателен и продуктивен.

Университет популярно растолкует, что дадут три желания человечества одному Ивану-дураку. А Иван-дурак популярно объяснит, почему три желания человечества ему не дадут ничего... Неопределимое, грозное, как бы и не существующее человечество всё время беспокоится о будущем, тогда как реальный чумазый Иван-дурак озабочен насущным настоящим.

Главная головоломка трёх желаний в том, чтобы поймать в три сухие фразы возможность превратить три желания во множественность желаний. И эта возможность есть. Недаром, неспроста желаний – три. Есть, есть в этой троице потенциал, позволяющий раскрутить её так, чтобы внутри зародилось вращательное движение воспроизводства... Какой-то круговой процесс... Вроде «У попа была собака...»

Мало кто не остановился мысленно перед этим загадочным текстом и не восхитился изяществу конструкции очередного вечного двигателя:

У попа была собака,
Он её любил,
Она съела кусок мяса,
Он её убил,
Убил и закопал,
И надпись написал, что
У попа была собака,
Он её любил,
Она съела кусок мяса...

В скромном «что» точка опоры рычага, при помощи которого раскручивается бесконечность. Вот поп... Если разобраться толком, то в неприязательном рассказе о нём уже сидит разгадка трёх желаний, но она сокрыта за недомолвками.

Поп чем-то обладал.

Поп что-то потерял по своей воле.

Далее можно с большой вероятностью предположить, что поп сожалеет о содеянном, потому что не поленился закопать убитую собаку и надпись написать на могильном камне. Сломленный горем поп устроил собаке достойную могилу.

Раскаявшийся поп хотел бы вернуть то, чем обладал.

Но, следуя надписи на могиле собаки, можно предположить, что в случае, если бы собака снова съела мясо, он бы снова её убил.

Поп хочет свободно распоряжаться тем, чем он обладает: удалять и возвращать.

В последнем заключении уже слышен тихий звон хорошо выношенного, но ещё нечётко сформулированного желания: я хочу иметь то, что у меня есть, я хочу иметь возможность расстаться с тем, что у меня есть, я хочу иметь возможность вернуть то, что я имел и с чем расстался... чтобы любить то, что у меня есть, чтобы иметь возможность расстаться с тем, что у меня есть, чтобы иметь возможность вернуть то, с чем я расстался, чтобы у попа была собака, он её любил, она бы съела кусок мяса, он бы её убил, убил и закопал, и надпись написал, что у попа была собака...

«Хочу свободно распоряжаться тем, чем обладаю...» – размышляет поп, косясь на лягушку, сидящую на могильном камне, но ничего ей пока не говоря. – «Этим желанием я защищу всё, чем владею, и что владеет мной самим, во всей полноценности и нерушимости сложившихся связей».

Что ж, подобным рассуждением поп способен надёжно застраховать от потери свой привычный мир и заложить крепкий фундамент под два ещё не реализованных желания. Но в результате исполнения первого желания поп получит власть только над тем, что у него было на момент рокового вопроса. Следовательно, сразу за этим ему надо найти то самое «что», после которого статика добротного настоящего получит толчок к вращательному движению в будущее, способному стянуть в свою непомерную воронку множественность желаний.

Взволнованный поп чувствует, что первым выстрелом он попадает в десятку. Не промахнуться бы и выстрелить так же точно при следующих попытках. В горячей голове скачут желания, на языке вертятся слова, но поп крепко стиснул губы, чтобы ни одно не вырвалось раньше, чем будет найден единственно верный ход. «Я хочу иметь возможность приумножать что-либо из того, что у меня есть... Я хочу иметь возможность получить то, что хочу... Всё не то, близко, но не то... Правильно только «иметь возможность», – в отчаянии

думает поп. А лягушка не торопит, но открыто демонстрирует досаду, раздражённо постукивая лапой по могильному камню и в сотый раз перечитывая надпись:

У попа была собака,
Он её любил.
Она съела кусок мяса,
Он её убил,
Убил и закопал,
И надпись написал, что
У попа была собака...

На самом деле, у человека есть практически всё, пусть хотя бы в зародышевом количестве и качестве, но есть. У человека есть весь мир, потому что сам человек находится в этом мире. Никто не может сказать, что у человека нет мира только потому, что он не командует им, а лишь пребывает в нём.

Что, в таком случае, представляет собой обладание? Можно чем-то владеть в прямом смысле, то есть свободно распоряжаться неким объектом. Можно чем-то владеть только потому, что оно само тобой владеет, и ты не можешь выпасть из этой связки, являясь её неотъемлемой частью. Это тоже обладание. Если ты от чего-то не можешь избавиться, это означает, что ты этим владеешь так же, как оно владеет тобой. Если ты являешься предметом обладания, то твой обладатель – существо это или явление – в той же степени зависим от тебя.

Причастность человека к тысячам процессов и событий делает их зависимыми от него. И закономерно делает их его принадлежностью. Вселенная – такое же приложение к человеку, как и к муравью или амёбе. Всё, о чём человек знает, что ощущает, о чём даже не знает, но что существует в поле его жизнедеятельности, всё – приложение к человеку. Даже сам бог.

И не человек по образу бога, а бог по образу человека, потому что иного бога человек не способен был бы воспринимать, признавать и почитать. Никто не знает, каким был бог до сотворения человека. Таким, каким мы его себе представляем, он стал после сотворения человека. Мало ли, каким он хотел видеть человека, возможно, совсем не таким,

каким человек у него получился, – творческий процесс непредсказуем. До сотворения человека бог мог быть любым. После сотворения он должен был умерить энтузиазм в поиске своего образа, чтобы человек был уверен в родстве с создателем и не заподозрил, что на самом деле он подкидыш, произошедший от обезьяны.

И тогда, кто из них бог? И тогда, кто от кого зависит? Вообще, кто кем обладает? Если признать своим желанием иметь то, чем владею, – то получается, что непререкаемым властелином мира и самого бога становится человек.

В трёх желаниях резонирует извечная триада – настоящее, прошлое и будущее: я хочу, чтобы всё утраченное можно было вернуть, я хочу, чтобы всё было, я хочу, чтобы всё могло быть... «Нет! Нет! Я не произносил этого!» – кричит поп лягушке, насмешливо наблюдающей за ним. – «Я только размышлял об этом». Он умоляюще смотрит на лягушку. Она ворчит: «Давай, давай быстрее свои три желания, меня дедушки заждались».

В последнем рассуждении попа есть хороший импульс для круговорота, который обеспечивает свободу внутри того, что уже имеется. Но сюда надо ещё внести нечто, что позволило бы приумножать имеющееся. Надо заложить в круговорот возможность выхватывать из окружения или из своих фантазий что-либо, чего нет в настоящем, что по каким-либо причинам утрачено или вообще не существовало. Кроме возможности приумножения учесть возможность присоединения!

Вот они, три желания попа:

Первое желание – **обеспечить сохранность имеющегося в полном объёме существ, вещей и явлений**. Вроде бы этим желанием ничего не изменяется в лучшую сторону, но дальновидный поп понимает, что вносить изменения можно только в будущее, настоящее же надо хранить как абсолютную исходную точку опоры, на которую опёрётся тот самый рычаг.

Второе желание – **обеспечить полную свободу оперировать с имеющимся: освобождаться по своему разумению от того, что уже не нужно, приумножать то, чего недостаточно**. Поп распространил свою тотальную волю на то, что раньше было ему подвластно только отчасти. Фактиче-

ски, этим желанием он однозначно возвышается над всем, чему раньше принадлежал сам. Он получает неограниченную власть над настоящим, которая позволяет ему смело формировать будущее по своей прихоти. Поп захватил будущее.

Третье желание – **обеспечить возможность присоединять к имеющемуся утраченное или не имевшееся ранее**. Всё. Поп захватил власть над прошлым.

Стремительно вращающийся круг страстей замкнулся.

Тремя строго сформулированными тезисами, произнесёнными один за другим потрясённой лягушке, умный поп сделал себя властителем времени и определил политику своей жизни, благоразумно не позарившись на конкретное и вещественное, столь соблазнительное для Ивана-дурака. Теперь же, перейдя в новое жизненное устройство, поп может начать попросту желать без ограничений. Три желания дали ему в руки неограниченную власть, но внутри неё остаётся заповедный остров, на который нельзя посягать ни при каких обстоятельствах, – этика отношений с лягушкой, предложившей выполнить три желания и честно выполнившей их.

Есть трогательная шаткость в позиции лягушки, дающей человеку власть надо всем и в том числе над самой собой. Тот, кто предлагает исполнить три желания, на что он рассчитывает? Ведь среди желаний может быть это самое, которое благодетеля сделает рабом. И где предел желаний? И есть ли он? Ведь благодетель не ставит ограничений. Это озадачивает. Почему лягушка не делает оговорку в предложении о трех желаниях, почему сразу не заявляет: «Только эту дверь ни в коем случае не открывай»? Или она знает, что предостережение не будет услышано? Или это та последняя ловушка, куда непременно попадет неумеренно желающий, обезумевший от открывшихся возможностей? То неперемненное условие, которое негласно позволяет лягушке нарушить первоначальный договор?! Жадина попадает в тщательно скрытую волчью яму, и блин земли, спасённый от произвола, шлёпается на трёх китов.

Вот почему, когда старуха захотела, чтобы золотая рыбка была у неё на посылках, золотая рыбка отказалась выполнять это желание и заодно аннулировала результаты всех

предыдущих! Мы не знаем, однако, отняла ли рыбка у старухи и старика память о встрече с ней самой и о благах, которыми они временно пользовались? Это было бы благородно с её стороны. Хотя в сказке ничего такого не сказано, но кажется, что рыбка как раз так и поступила, щадя стариков.

Однако золотая рыбка и не обещала исполнять все желания, она предложила исполнить одно в обмен на свободу. Старик ведь один раз поймал её и выпустил, значит, и благодарность предполагалась одноразовая. Все последующие желания и их исполнение шли против уговора. Рыбка имела полное право рассердиться и не выполнять другие желания, или сразу наказать старика и старуху. Но она отменила исполненное только тогда, когда алчная старуха посягнула на неё самоё.

Всякое одаряющее существо одаряет в благодарность за пощажённую человеком свою или своих детёнышей жизнь и свободу. Парадоксально, что желающий, используя право желать, стремится отнять как раз то, за что ему обещана награда в виде трёх желаний.

А поставить себя на место рыбки? Например, сам кому-то говоришь: «Я исполню любые твои три желания». Надо иметь незаурядную смелость произнести эти слова. Но человек не столь благороден, как рыбки или лягушки. Он отлично понимает, что таким предложением поставит себя в зависимое положение. Может, он и предложит кому-то исполнить любые три желания, но обязательно оговорит некоторые условия, призванные защитить его благой порыв от корыстного произвола одаряемого.

Как застраховать себя от посягательств вознаграждаемого?! Что защитить?! Какая ценность наиболее ценна, когда любая из них и все вместе по твоей собственной воле ставятся под угрозу?! Как сформулировать оговорку в предложении исполнить любые три желания?! Без этого быть тебе джинном в лампе, висящей на поясе неукротимого Ивана-дурака.

Вот, что чувствует печальная рыбка, когда делает своё предложение. А может, она обязана сделать его? Мало ли, какие складываются обстоятельства в жизни волшебных золотых рыбок.

А иногда случается, люди обращаются так: «Будь другом, сделай... Только сначала пообещай мне, что сделаешь». И сразу возникает опасение за свой покой, который кто-то хочет коварно нарушить просьбой, предварительно заручившись согласием. В просьбе подвох и манипулирование дружескими чувствами. Очевидно, просьба такова, что ты непременно бы отказался. Но с предупреждением...

Или: «Открой рот, закрой глаза, будет вкусная еда».

О, миг предсмертного ужаса, опасение получить в рот лягушку!

Открой рот, закрой глаза, и я исполню любые твои три желания...

Поп оказался умным. Он с честью вышел из всех каверз с тремя желаниями, не посягнув при этом на достоинство лягушки. Здесь лягушка прокололась, попав не на трусливого дурака, а на решительного умного.

Дурак рассуждает проще, хотя бы потому, что никогда не сомневается. Он едет в троллейбусе и громко рассказывает приятелю о том, как построил теперь свою жизнь. «Я беру от жизни всё!» Пассажиры с интересом оглядываются. Не часто выпадает ехать в троллейбусе с человеком, которому доступно в жизни всё. Каждый по-своему представит себе всё то, что сам мог бы взять от жизни, сложись обстоятельства благоприятно, а потом достаточно точно представит себе всё то, что берёт от жизни громогласный дурак.

– Ошибочно говорить: «Я беру от жизни всё», – подбирая рясю, мягко увещевает дурака поп, выходя из троллейбуса. – Надо говорить: «Я беру от жизни всё, что могу взять».

– Сам дурак, – не колеблясь, отвечает дурак.

2000

НЕ УБИЙ?

Стал богатырь со Змеем биться.
Богатырь одну голову срубит,
вместо неё три новые вырастают...
Русская народная сказка

Бог дал человеку всё с единственной целью – отнимать.

Жизнь – первое из того, что бог даёт человеку, и последнее, что у него отнимает. Бог изначально знает, какова ценность человеческой жизни, а человек понимает это в самом конце, когда перед глазами раскрывается обратная перспектива прожитого. Бог даёт человеку жизнь при участии двух помощников, а отнимает с кем попало. Слово отнять – дело, не стоящее внимания. Так хранитель театральной костюмерной, притаившийся за кулисами, не глядя в лица, обрывает со статистов реквизит.

Смерть может быть естественной – от старости, от болезни, и неестественной, когда человек гибнет, не исчерпав возможностей здоровья, в результате несчастного случая, самоубийства или убийства. Частным случаем убийства является смертная казнь, убийство, но низведённое до канцелярского делопроизводства, совершаемое в установленном порядке киллерами закона – ответственными исполнителями. Закон убивает бесстрастно и горд своей бесстрастностью, сходной с бесстрастностью природы. Но есть отличие, которое закон считает своим преимуществом, – природа убивает случайно и слепо, а закон – по справедливости. А амнистия? А прощение – благое нарушение справедливости? Но не всякий сумеет простить то, чего нельзя простить. Преступление и наказание. Возмездие. Справедливо. Глаз за глаз, коготь за коготь. Справедливо. Жизнь за жизнь. Справедливо. Бесстрастно. Взаимообразно.

Животные спокойно воспринимают гибель собратьев. Их не волнует справедливость или несправедливость, своевременность или несвоевременность смерти. Воробьи с безразличием следят за кошкой, треплющей одного из них, и озабочены лишь собственной безопасностью. Кровавая картина смерти их не интересует. В этом тупое благородство животного мира, решительно отличающееся от интеллектуальной низости людей.

Пока человек был животным, его убийства были обоснованы самозащитой, борьбой за самку, необходимостью выживания. Но человеком это животное стало в тот миг, когда впервые насладилось беспричинным процессом убийства и зрелищем смерти. Зрелище человеческой смерти завораживает. Это стихия, страсть. Только человек так сладострастно тянется к зрелищу смерти. В особенности, когда официально внушают, что убивать можно, убивать правильно, убивать – единственный способ наказания убийцы.

Смертная казнь. Принудительная смерть. Плановое убийство, выполняемое бесстрастно. Убийство, при котором не важно, кому и кого убивать. Из всех возможных убийств – из корысти ли, из мести ли, из страсти ли, из патриотизма ли, – самое беспрецедентное – убийство ради убийства. Закон берёт ответственность на себя. Множатся оговорки, ссылки, оправдывающие ответственность. Но обилие законов – это и есть беззаконие. Казнённого уже ничему нельзя научить. Смертная казнь – убийство-возмездие – устрашающий урок для тех, кто намеревался совершить аналогичное преступление. Потенциальному преступнику казуистически внушается: убивать нельзя, потому что убивать можно. Кому, кого – второй вопрос. Населению страны внушается – убивать можно. Но чему может научить тот, кто убил человека?

Чем законнее насильственная смерть, тем больше в ней исполнителей. Идёт размывание ответственности в индустрии уничтожения, где на каждого умерщвляемого работают десятки, если не сотни профессиональных убийц – рядовых делопроизводителей. В убийстве виновен не только палач, хотя и ему ничто человеческое не чуждо. Приятно отрубить голову человеку большого ума, например, гильотинировать

Лавуазье. Виновен не только палач. В равной с ним степени виновен каждый, кто причастен к осуществлению убийства – и тот, кто его одобряет, и тот, кто к нему безразличен. Виновен весь народ, призывающий палача осуществить наказание, понимающий смертную казнь, как справедливое возмездие за совершённое преступление, более того – как благо. Страна, где в перечне наказаний остаётся смертная казнь, – это, как ни поверни, страна потенциальных убеждённых убийц. Каждый понемногу, по чуть-чуть привыкает убивать и, успокаивая свою совесть, кивает на палача, или на закон, или на бога.

Смертная казнь – палка о двух концах, а вернее, – Змей о трёх головах. Стоит отрубить одну голову, взамен вырастают три новых. Казнят одного преступника, а взамен остаются здравствовать десятки других, куда более опасных, хладнокровно и бесстрастно убивающих с разрешения закона. Поднимая вопрос о сохранении или отмене смертной казни, надо думать в первую очередь не о преступнике, которого убивают. Надо думать о тех, кто убивает преступника, и ещё более о тех, кто считает эту кару справедливой, и о тех, кто, обуреваемый низменным любопытством, приобщается к зрелищу, к правомочности принудительной человеческой смерти, и о тех, кто уже подсознательно догадывается, что является соучастником убийства.

Смертная казнь – кратчайший путь к тотальному расщеплению общества, разврат, узаконенный государством, – активное насаждение садистского сладострастия через причастность к физиологической жестокости или через её созерцание. Заказчик убийства – всё общество, кроме безумных и малолетних. Исполнитель – также всё общество.

Убийцы не люди. Но они и не звери в буквальном смысле. Скорее, они – нелюди. Нелюди. Их можно приравнять к животным лишь условно, не разбирая причин, приведших к убийству, – так или иначе, но и те, и другие убивают. Но зверей нельзя убивать только за то, что они звери. Поэтому люди ограждают свою жизнь от зверей или сажают зверей в клетку. Подобный подход годится и в отношении нелюдей. Если нельзя защититься от их изощрённого стремления проникнуть в человеческую жизнь и разрушить её, их

следует пожизненно содержать в клетках, но ни в коем случае нельзя убивать, чтобы самим не превратиться в зверей, нелюдей. Не пей из копытца!

Каким бы высоким оправданием ни был оправдан солдат, убивавший врага на войне, кто знает, какие тайные страдания хранит он в себе, как изувечена его душа? Или врач, который мог и не сумел спасти жизнь больного? Кто может поручиться, что оправданный всеми возможными правдами этот невольный убийца свободен от страшной памяти, от угрызений совести? Кто может поручиться, что если совесть его не мучает, он ещё человек?

Человек становится безразличен к убийству и гибели людей, если он ничего не может изменить и безразличие к гибели других оправдывает безразличием к своей собственной гибели. Но ожидание смерти... Эта смертная тоска, скука бесповоротности... А впрочем, пока в нашей стране существует смертная казнь, все мы убийцы в законе. Звери. Пусть и дрессированные. Парадоксально, но если убийца скрылся с места преступления, он поступил гуманно, не стал множить число убийц, необходимых для его убийства. Парадоксально, противоестественно... но вдруг совершивший преступление лишит себя жизни сам, по собственной воле и освободит других от необходимости его убивать?

Главный дар после дара жизни – случайность смерти. Смерть всегда внезапна, даже, когда её приход очевиден. Бесстрастная природа свято отвечает этому божественному принципу. А мы ещё смеем называть её жестокой. Абсурдный будто бы вопрос, но почему из массы людей, которые имеют возможность легко и незаметно убить, воспользуются этой возможностью единицы или вовсе никто? Короче, почему люди не убивают? Что-то заложено в человеке, препятствующее этому. И не обязательно жалость к жертве, скорее отвращение к ней. В какой-то степени, история человечества – смена позиций по отношению к убийству человека человеком, эволюция идеологии убийства.

Всё чаще ловишь себя на том, что, где бы ни был, – на улице, на экскурсии, в троллейбусе, – ты окружён людьми, с которыми в любой момент тебя может навеки породнить общая смерть. На какое-то недолгое время эти случайные не-

симпатичные люди становятся ближе родных и любимых. Вот каково наше время. Время массовой гибели. Самый тяжёлый век тот, в который живёшь. «Живём от взрыва до взрыва», – говорим при встрече друг другу.

Мы с подозрительностью и неодобрением относимся к клонированию, резонно считая, что люди превышают полномочия в вопросах созидания – искусственного рождения с надеждой одухотворения. Но мы не стесняемся брать на себя функции бога в целях уничтожения. При этом большинство выводов, оправдывающих право человека на убийство другого человека, делалось и делается на основе субъективных толкований текстов Библии. Недвусмысленным, не отягощённым оговорками, уточнениями, оправданиями, является единственное: не убий.

Первый, кто не убьёт, останется человеком.

2005

В НЕКОТОРОМ РОДЕ

В профиль девушки вовсе не было, а в фас немножко было. Пели «Боже, царя храни...» Девичий голос задавал тон, за ним волоклись широким шлейфом нестройные басы. Цепляясь за корни старых лип, они пьяно тащили царя по траве и никак не могли куда-то дотащить, таким неохватным был их разгон. Отступив от набирающих мощь голосов, можно было одним ёмким взглядом оценить летний праздник на писательской даче. Длинный стол, составленный из нескольких, разномастных стульев и торжественное плетёное кресло хозяина во главе шаткого разгула.

Писатели отличаются свойством наливать вино только себе, забывая о сидящих рядом дамах. Поэтому, наверное, они не смогли справиться с царём. Девушка, которая высоким голосом вытягивала из глоток захмелевших писателей восторженный рокот в защиту царя, была здесь единственной читательницей. Не писательницей, а читательницей, что необычайно располагало к ней писателей, хотя она не прочла ни одной из написанных ими книг.

Есть отношение вообще мужчин к вообще женщинам. От него ничем не отличается отношение мужчин-литераторов к вообще женщинам, в том числе, к представительницам других видов искусств. Но отношение мужчин-литераторов к женщинам-литераторам складывается по-особому. Это даже не отношение, как таковое, а резкий рефлекс, который даёт отношение мужчин-литераторов к произведениям, выходящим из-под пера женщин. Шиллер в письме к Гёте: «...я и в самом деле не могу не удивляться тому, как наши женщины посредством совершенно дилетантских ме-

тодов ухитряются приобрести определённую писательскую споровку, которая довольно близка к искусству»¹⁸.

Понятие «женская литература» несёт оттенок иронии и пренебрежения и является парным к понятию «женская логика», о прелестях которой все слышаны. Ведь только о женской логике можно сказать, что она обладает прелестями.

– Почему говорят женская логика?

– А потому, что мужской вовсе нет.

Не существует мужской логики. И мужской литературы не существует. Мужское является всеобщим, а женское – отклонением от всеобщего. Не только мужчины-литераторы с чувством превосходства отделяют женскую литературу от вообще литературы, – но и женщины-литераторы стремятся откеститься от ярлыка, требуя к себе уважения не как к писательницам и поэтессам, а как к писателям и поэтам.

Остальные искусства индифферентны к проблеме пола. У одних нет женского окончания: скульптор, композитор, архитектор, дизайнер, музыкант, режиссёр. У других есть: художница, артистка, певица, балерина, флейтистка. Но нет ни мужской, ни женской живописи, музыки, архитектуры.

А женская литература есть. Словно она вид спорта, где деление на мужские и женские виды опирается на физические возможности полов. Женщины мышечно слабее мужчин, поэтому соревнуются друг с другом. Также в шахматах есть деление на мужчин и женщин. Подразумевается, что самые умные женщины заведомо уступают самым умным мужчинам. Но всё равно речь идет об очень умных людях, уважающих способности друг друга.

Итак, в спорте есть чёткое деление на женское и мужское, уравненное в правах; в искусствах нет никакого деления; в литературе есть деление на женское и всеобщее, с всеобщим уравнены в правах мужчины.

Не только женщины-литераторы, – все женщины очень не любят, когда их ущемляют по половому признаку, но зато очень любят, когда мужчины их по этому признаку превозносят. При этом пол превращается в одно из равнозначных качеств: красота, доброта, ум, женщина. Ничего подобного не случается с мужчинами. Нет такого качества: мужчина. Только красота, доброта, ум.

Мужчины успешно создают женский образ в своих произведениях. Они прощают женщине глупости, потому что ждут их от неё, кроме того, женская глупость выгодно подчёркивает мужской ум.

– *Все бабы дуры!*

– *Если бы они не были дурами, они были бы мужиками.*

Всякое качество можно расценить и как достоинство, и как изъян. Качество «женщина» не исключение. Эпитет «женская» всегда указывает на некий изъян литературного произведения. Если же этого изъяна нет, литературное произведение обладает масштабом всеобщности. В большой литературе известны имена женщин, чьи произведения никогда не причислялись к женской литературе. То есть и женщина способна написать мужскую литературу. Но если уж женщина способна написать мужскую литературу, то, несомненно, мужчина способен написать женскую. Для этого не обязательно быть женщиной, достаточно лишь придать произведению специфические черты, свойственные женской литературе.

– *Есть чувство прозы, но надо сократить, надо обогреть сюжет, потому что в женской прозе важен сюжет и не важно качество письма.*

Нет понятия «женское творчество», как нет понятия «мужское творчество». Есть зато детское творчество. Детское, а не женское рассматривается в творчестве, как несовершенное или особенное. Есть понятие «мастерство». Оно вне пола. Мастерство и творчество бесстрастно указывают планку. Кто достигнет, тот и мастер, и творец, хоть ты будь мужчиной, хоть женщиной, хоть ребёнком. Искусство, творчество, мастерство в русском языке – среднего рода. Они холодно устраняются от распрь двух полов.

– *У нас профессиональный спор о том, что женщина не может написать про мужчину и от лица мужчины.*

– *Это непрофессиональный спор.*

Спор непрофессиональный, но имеет рациональное зерно. Женщины не стремятся писать про мужчину и от лица мужчины, стараются избегать брать его в герои. Если женщина способна написать про мужчину и от лица мужчины, то есть обратить внимание на что-либо, кроме себя, то она способна преодолеть планку женской литературы и возвыситься до литературы вообще. Но в своей массе женщины

пишут про себя. Это первая очевидная черта женской литературы: **о женщине и от лица женщины.**

Есть определённая выгода писать женскую литературу, когда она по форме и содержанию тяготеет к массовой, ориентированной на низкий потребительский уровень, где поощряется обнажённый интерес к отношениям полов, а главный герой (или героиня) озабочен только самим собой. Расчёт верен: женщины-читательницы склонны платить по вдохновению, не задумываясь. Поэтому произведения, отмеченные выраженным женским качеством, в массовой литературе заметно преобладают. Вторая черта женской литературы: **эксплуатация полового признака, преимущественно на уровне физиологии, для пикантности.**

Отличия между мужчиной и женщиной непременно сказываются и на результатах их творчества. Банальность, но к ней надо отнестись с осторожностью. Самые свежие мысли всегда отыскиваются в залежах банальностей, как драгоценности в карманах старой одежды.

Мужчина создан по подобию бога. В женщине бог подкорректировал свой замысел с целью убавить излишнее сходство человека с богом, создать существо, имеющее иной принцип освоения мира. Бог скопировал прямолинейную и целенаправленную натуру мужчины, потом согнул копию в колесо и создал прецедент кругового движения, постоянного повтора. Новая натура потребовала новую форму, где цикличность была бы закреплена регулярным напоминанием о ней. То есть физиология – это только производная, основанием же является принцип освоения мира, который влияет на характер и отражается на результатах деятельности мужчины и женщины.

Мужчина целенаправлен и прямолинеен. Плодоносная особенность, позволяющая не прерываться в намерении, двигаться вперед. Мужчина осваивает мир поступательно. Он сразу непокорен. Изначально уверен в своей способности преодолевать, даже если по-обломовски не реализует её.

Женщина замкнута в сложной системе разнообразных и разномасштабных циклов, включая и естественный, первоначально заданный. Она всё время возвращается к началу, проходит один и тот же путь. Поэтому не забывает о ме-

лочах и уважает их. Мелочи жизни. Тысяча мелочей. Тысячи мелочей жизни вращаются в процессах, имеющих повторяемость. Не отсюда ли возникают угаданные умным мужчиной круги ада, где всякая прямолинейность утрачивает цель, где и мужчины, и женщины, теряя пол, проникаются угрюмой цикличностью животных?

Цель женщины измельчена на множество целей и максимально приближена.

Цель мужчины одна. Мужчине нельзя поручать более одного дела, иначе он не выполнит ни одного.

– *Помоги.*

– *Не помогу.*

– *Вот ответ, достойный настоящего мужчины!*

Мужчина прямолинеен. Женщина циклична. Беременность, рождение ребенка – очередной выход в цикл нового масштаба. И здесь надо отметить один очень важный момент: беременная женщина – это женщина, постигающая неизбежность. Осознание и принятие неизбежности – яркая женская черта, недоступная мужчине. Даже не имевшая детей женщина осознаёт неизбежность и смиряется с ней. Сам принцип цикличности внушает ей это.

Смирение для женщины – дежурное состояние, привычка, быт. Женщина приспособлена смиряться. Мужчина нет. Отсюда его линия самоуверенности и борьбы. В сознании мужчины, принявшего смирение, происходит глобальный переворот. Если мужчина постигнет смирение всем своим существом, он непременно обретёт женские черты. И это будут лучшие женские черты.

– *Отдайте женщине должное!*

Женщины ходят в церковь по велению души. А мужчины – работать. Из церкви с утренней службы выходят сплошь женщины. А службу ведут мужчины.

Ждать и терпеть. В слабой и хрупкой женщине есть чудовищный запас прочности. Стараясь уйти от прессинга бесчисленных нагрузок, она инстинктивно разбивает монолит неизбежности на небольшие отрезки, размельчая, скрадывая. Женщина ведёт наступление незаметно – жужжит, пилит, капает на мозги, а после незаметно отступает, сдавая позиции, обманывая себя иллюзией, что если ежедневная потеря не видна, то потери нет.

– Чем больше толстее женщина, тем более растяжимо её понятие о красоте.

Поверхностная рябь моря случайна и хаотична, но глубинные течения последовательны и целеустремлённы. Если хочешь чего-нибудь в жизни достичь, нужно быть последовательным и не выпускать из виду поставленной цели – прекрасное мужское качество, которое многие мужчины не ценят и транжируют попусту. Но если вдруг этим качеством вооружается женщина, она способна достичь очень многого и вызвать в мужчинах искреннее восхищение сходством с ними самими.

Фактически наиболее реализует себя в человеческом масштабе та женщина, целевой виток которой столь длителен, что его можно принять за отрезок прямой. Надо всего лишь разорвать круг и растянуть его в спираль, а потом, вытягивая кольца, превратить спираль в прямую и прицепить свободным концом к заветной цели. Немыслимо трудно сделать это в условиях непрерывных помех, возникающих в больших и малых циклах. Но если удалось, цель будет достигнута.

Быт цикличен. Кругооборот бытовых предметов, вещей и занятий в природе. Эту колею накатывают поколения женщин, отдавая предпочтение занятиям и профессиям, в которых преобладает повторяемость. Поэтому закономерно, что в науках и искусствах, где всё уникально и неповторимо, вершин достигают немногие из них. Отсюда вытекает, что третьей чертой женской литературы является **выбор тем, связанных с цикличностью, преклонением перед неизбежностью.**

Не удивительно, что воспитание детей также находится в руках женщин. Элементарные азы вежливости и здорового образа жизни – все зиждутся на цикличности: мытьё рук, чистка зубов и ботинок, стрижка, зарядка, ежедневные уроки. Ведь дети вне циклов. Сознание детей обоего пола организовано одинаково и его основная черта – прямолинейность. Мужская черта. И мальчики, и девочки в любых занятиях или искусствах имеют равные шансы. Более того, усидчивость и аккуратность девочек даёт им преимущество перед мальчиками, непоседливыми и ленивыми. Но стоит девочке пересечь возрастную черту и осознать в себе цик-

личность, её усидчивость и аккуратность тут же прививаются на замкнутую траекторию циклов.

Научиться цикличности у мужчины невозможно. Зато можно научиться находить прямую дорогу и видеть далёкую главную цель. Мужчина-педагог сумеет вырастить из своих наиболее умных и талантливых воспитанниц тех редких женщин, которые, увидев с его помощью цель, уже не выпустят её из виду.

Все эти рассуждения начались с девушки, которой в профиль не было, а в фас немножко было и которая была единственной читательницей в компании литераторов. Женщина-читательница. Представительница мира цикличности и домохозяйства. Она настойчиво требует литературу, отражающую её принцип освоения мира, её внутренний мир и среду обитания, где сохраняются одни и те же идеалы, знаменательны одни и те же события. Чаения прекрасной любви, свадьба, дом, дети, интересы семьи, – темы излюбленных циклов, сериалов, прочувствованных и пережитых, понятных и желанных, которые легко и естественно превращаются в женскую литературу, если женщина – писательница. Четвертая черта женской литературы: **это литература для женщины.**

Таким образом, уже определились черты, которыми должно обладать произведение, классифицируемое как женская литература:

- о женщине и от лица женщины;
- эксплуатация полового признака, зачастую на уровне физиологии;
- выбор тем, связанных с цикличностью, повторяемостью, преклонением перед неизбежностью;
- для женщины.

Короче, о женщине, для женщины и, в большинстве случаев, женщиной.

Литература – королева искусств, полновластная и непререкаемая правительница, единственная, обладающая возможностью показать внутренний мир человека. И не удивительно, что ее обзывают женской, то есть узко специфической, если она вместо внутреннего мира предлагает или физиологические особенности, или тысячу мелочей, от которых рябит в глазах. Женщиной, о женщине, для женщины...

– Не люблю, когда в известном мне окружении что-то меняется.

– Не люблю, когда на семейный праздник приходит чужой человек.

– Не люблю просыпаться и вставать в темноте.

Женщиной, о женщине, для женщины...

– Люблю, когда идёт дождь, а мне сухо; когда идёт снег, а мне тепло.

– Люблю убирать, упорядочивать вещи – сортировать, раскладывать по местам.

– Люблю смотреть на целующихся в метро.

– Выплюсь и сяду шить чёрными нитками.

Женщинам интересно писать о своём внутреннем мире. Оплетённые множеством циклов, они видят свой внутренний мир разнообразным и значительным. Мужчина, даже умело подражающий, никогда не создаст в этом жанре произведение столь простодушное и проникновенное, каким оно удаётся женщине. Однако мало есть авторов женщин, которые сумели разглядеть и раскрыть в своём творчестве уникальность стреноженной души, обречённой на монотонное движение по кругу. Женщиной, о женщине, для женщины...

Женщина тоже человек.

В некотором роде.

2003

ГОВОРЯТ

Когда едешь один в машине, слушаешь только свою пустоту. Когда едешь среди своего народа в троллейбусе или метро, слушаешь разговоры жизни.

Нам все вдруг. Наше правительство, наши газеты, наш телевизор, наши начальники. Я верю только слухам, которые распускает наш народ.

*– Иван Иванович Вандерфлит
Женат на тётке Воронцова.
Из них который-то убит
В отряде славного Слепцова.
– Да нет! Убит не Вандерфлит.
Из них никто не был убит.
И даже тётка Воронцова.
Но вот в народе говорят,
Что был действительно отряд.
Да только вовсе не Слепцова.*

Но вот в народе говорят, что был действительно отряд...

Но вот в народе говорят...

Говорят...

А кто, собственно, говорит? Сколько их? Несомненно, некое множество, хоть и противопоставленное всему народу в целом. То есть меньше, чем весь народ, но большая его часть. Каждый представляет себе это множество по-своему, наподобие того, как все по-разному видят луну, висящую в данный момент на небе и имеющую реальный, но непостижимый размер. Одни сводят большой и указательный палец, показывая размер шарика для настольного тенниса.

Другие сравнивают луну с тарелкой, третьи разводят руками, рисуя в воздухе широкий круг.

Главное, чтобы неуловимое множество было убедительным. Удивительно, но оно всегда убедительно. Правда, при одном условии: следует точно соблюдать соотношение между масштабом новости и условным количеством тех, кто её несёт.

Петровы говорят...

В городе поговаривают...

Все говорят...

Говорят, скоро конец света.

Говорят и уверены в своей правоте, а ты, передающий их слова, пока не уверен, но, опираясь на убедительное множество, делаешь свои слова весомее, значительнее даже для себя самого. Хотя к чему сомнения, ярлык «говорят» заведомо предполагает неточность сведения и, что ещё важнее, снимает всякую ответственность с того, кто сведение передаёт. Ярлык «говорят» отстраняет передающего от самого сведения. Передающий скромно выступает в качестве не причастного посредника между теми, кто говорит, и тем, кто узнаёт новость.

Как, всё-таки, определить минимальное количество посредников? Иными словами, в какой минимальный ряд лиц укладывается полное обезличивание источника информации? Пустой вопрос. Пустой именно потому, что не надо доискиваться того, что скрыто намеренно. Надо использовать скрытность данного факта.

А и Б сидели на трубе.

То, что знают двое – А и Б, – знает не только И, но ещё свинья. Таков закон распространения любого слуха. «Говорят» – «сiто», которое обеспечивает мгновенное распространение новости.

Теоретически надо согласиться с существованием первоисточника, некоего пункта А, откуда сообщение прибывает в пункт Б, к первому восприимчивому, который знает, что информация пришла из источника А и передана по этапу в пункт Б1 или сразу в несколько направлений: Б1, Б2, Б3, Б4... Бп. С феноменальной быстротой разворачивается веер, сад расходящихся тропок, накрывая собой быстро сплывающееся убедительное множество тех, кто говорит.

Веер ширится, неся в себе случайные и умышленные сбои. Во-первых, пункт Б может представиться пунктом А, и, таким образом, источник информации сместится. Также может поступить любой следующий восприимчивый. Во-вторых, пункт А, исходя из своих личных соображений, желая остаться в тени, может представиться не источником информации, а рядовым промежуточным пунктом её следования – Бп, предварив своё сообщение кратким «говорят». Тут уж веер сада расходящихся тропок отображается зеркально.

Первые потребители ярлыка «говорят» – сплетня и клевета – две неотразимые торпеды, которые использует подлость в борьбе с любыми соперниками. Любимый приём – анонимность. «Говорят» затушёвывает отчётливый первоисточник, выступая изящным обрамлением будто невзначай брошенной фразы, размывая лицо клеветника до безликости громадного большинства.

Воистину, границу лучше всего переходить в толпе.

Время нынче такое. Хорошо продаётся только сплетня.

Но и достоверная информация нередко сопровождается словом «говорят», приобретая особую пикантность. Сразу нечто непередаваемо-неуловимое сквозит в прозаически очевидном. Добропорядочная истина обретает томный эротический ореол. Всё это – исключительно для скорости перемещения сплетни в пространстве, точности попадания в цель.

«Говорят» – не глагол в третьем лице множественного числа, а имя собственное, имя анонимного источника информации! Мелькающая череда лиц сливается в мутную полосу, по которой тянется чёрная линия открытого рта – стёртое до неузнаваемости лицо Говорята.

Говорят, что бани все закроют повсеместно и что хлеб теперь из рыбьей чешуи.

Говорят, не повезёт, если чёрный кот дорогу перейдёт.

Информация освободилась от адресата, обрела смелость творчества. Любое сообщение принадлежит всем и может быть использовано каждым свободно, без ограничений в интерпретациях, домыслах, неотягощённое обязательством ссылаться на первоисточник, позволяющее всякому

почувствовать себя первоисточником – А. Или, хотя бы первым восприемником – Б. Или, в крайнем случае, вторым восприемником – В. Или. Есть такой закон трёх рукопожатий, который гласит, что через три рукопожатия любой человек оказывается в контакте с любым другим человеком, хоть бы президентом, хоть бы звездой эстрады. Ты жмёшь руку тому, кто является другом шофера президента, он жмёт руку шофёру, а тот непосредственно президенту.

Примерно так действует «говорят». Какие только сведения не являются в его расплывчатом ореоле. Но и противоядием от «говорят» становится его же собственное порождение, вмещающее в себя весь спектр иронии и скепсиса.

Говорят, что кур доят.

Известны три бредовые истории, которые некогда взбудоражили всю страну. Это был поразительный всеобщий подъём с целью преодолеть анонимность новости, найти в веренице посредников место, настолько близкое к источнику информации, чтобы в нём уже брезжило очертание авторства. Люди взволнованно пересказывали истории друг другу, боясь, что всё произошло с их ближайшими знакомыми. Вот, руку протяни! В соседнем подъезде живёт, за одной партией сидит... Тут сразу угадывается закон трёх рукопожатий. По аналогии с этим законом действовал и закон, по которому стихийный энтузиазм народа пытался настичь ускользающий источник информации. Все истории начинались с обязательного уточнения близости события к рассказчику:

У моего друга на работе сотрудник рассказывал...

Соседка разговаривала с женщиной, у которой...

Парень в школе сказал, что видел своими глазами...

История о шапке-ушанке

Одна женщина ехала в метро. На очередной станции двери вагона открылись, люди стали выходить, среди прочих торопился выйти подозрительный мужчина в норковой шапке-ушанке, точь-в-точь как у этой женщины. Женщинахватила свою шапку и не обнаружив в сумке, кинулась за похитителем, сорвала с него шапку и прыгнула назад в вагон. Двери захлопнулись. Поезд поехал. Женщина комкала в руках спасённую шапку. И вдруг поняла, что её собственная шапка болтается у неё на шее за спиной на связанных шнурках.

История о негре в столовой

Один студент пришёл в столовую обедать. Взял суп, второе и компот, отнёс на подносе на столик и пошёл отдавать поднос. Когда вернулся, то увидел, что на его месте сидит негр и ест его суп. Студент обомлел от такой наглости, но решил не сдаваться. Сел напротив и принялся быстро поедать второе в надежде успеть выпить компот. Нахал тоже поднажал, но студент справился со вторым быстрее и залпом выпил компот. Негр пожал плечами и ушёл. Студент победно оглянулся по сторонам и увидел на соседнем столике свой нетронутый обед.

История о ночной скачке

Одна женщина поздним вечером опоздала на последний автобус. Пустая глухая улица. Ни людей, ни машин. Пешком далеко. Сумка тяжёлая. Метро закрылось. Она стояла на остановке, не представляя, что теперь делать. В этот момент из-за поворота выскочил человек верхом на палке. Он подскакал к остановке, где ждала женщина, и спросил:

– Вам куда ехать?

Женщина назвала свою остановку, и человек предложил:

– Садитесь, я вас подвезу.

Женщина отчего-то согласилась. Она пристроилась сзади, обхватила его одной рукой, держа в другой сумку, и они поскакали. Скачка продолжалась до тех пор, пока женщина, едва живая, не сошла на своей остановке. Человек верхом на палке, объявив название следующей остановки, поскакал дальше.

Вот в свободном переложении три загадочные истории, несомненно достойные кропотливых социологических исследований, а не краткого упоминания. Даже невооружённым глазом видно, что каждая из историй прекрасное сырьё для анекдота, но не отлившееся в анекдот, не освободившееся от балласта – авторства.

Соблазн лёгкого безответственного авторства, ревнивое собственническое чувство каждого, услышавшего одну из историй и пленившегося ею, не разрешили уйти историям в плоскость анонимных абстракций. Истории оказались

перегруженными недопустимыми в анекдотах натуральными чувствами – переживаниями и сопереживаниями, симпатиями и жалостью ко всем без исключения героям – участникам историй. Народное творчество проявило себя со всей безрассудной силой и щедростью, родив вместо трёх новых анекдотов три новые легенды.

Рассказчиком-источником события является в первом случае женщина, отнявшая шапку, во втором – студент, соревновавшийся с негром, в третьем – женщина, подсевшая к человеку, скакавшему на палке. Повествование ведётся от их лиц – и в этом кроется глубинный смысл, потому что они самые обычные люди, но способные в экстремальной ситуации на неожиданные и решительные действия. И что ещё важнее, способные на ироническую самооценку, раскаяние. То есть они хорошие люди.

Очарование историй в том, что каждый легко может представить себя на месте этих людей. Как раз поэтому три истории-легенды не достигли до качества сообщений, которые безапелляционно предваряются словом «говорят». Истории остались пусть и причудливыми, но авторскими сообщениями. Тётя Маня говорит... Ах! Тётя Маня! Я же её знаю.

Отсюда вытекает интересный вывод: присказка «говорят» – это верный признак и преддверие возможного появления анекдота. Действительно, никакая история, никакая удачная шутка не превратится в анекдот прежде, чем полностью не откажется от авторства. «Говорят» – это всенародный отказ от авторства. Иными словами, «Говорят» – это имя Великого Анонима.

Надо заметить, что далеко не всегда словом «говорят» предваряется нечто, обещающее превратиться в фольклор. Мало ли что сообщают друг другу люди, приправляя реплику привычным и удобным «говорят». Например, на зимней улице торговец пуховыми носками, постукивая ногой об ногу, бросает сквозь поток пешеходов торговке свитерами, пританцовывающей напротив:

– Говорят, в Сахаре выпал снег.

Я прохожу между ними и воспринимаю всё в комплексе – мороз, метель, сумерки, запорошённые снегом нос-

ки, которыми встряхивает торговца, свитера, которыми взмахивает торговка напротив и кричит статной даме через головы прохожих:

– Женщина, ваш размер!

Дама неторопливо меняет курс и подходит к свитерам:

– Действительно, мой размер, – перебирает цветные рукава.

А я уйду к метро, но думаю о Сахаре, засыпанной снегом, и не верю. Нет, не может быть, чтобы в Сахаре выпал снег. Это сахар! Но говорят, снег... Я одна, а их много. И все они прямо сейчас, в настоящем, настойчиво твердят в один голос, что в Сахаре выпал-таки снег. И моё частное сомнение даёт петуха на фоне стройного хора о снеге.

Каково же число посредников в подслушанном мной конкретном «говорят»? Может, за пять минут до меня какой-нибудь покупатель подошёл к торговцу носками и, ощупывая их, рассказал о только что услышанном по радио сообщении, что в Сахаре выпал снег.

Безымянный покупатель появился и исчез, не купив носки, но оставив слух. Сахара далеко... Торговец носками мог бы доложить об этом торговке свитерами так:

– Один покупатель сказал мне, что в Сахаре выпал снег.

Однако торговец воспользовался более ёмкой формулировкой: говорят! И получилась прекрасная ритмическая фраза:

Говорят, в Сахаре выпал снег.

Я подхватила ритмизованную строку, но усомнилась в её истинности, и подумала:

Говорят, в Сахаре выпал снег.

Может, это был не снег, а сахар?

Нет, слишком близко разгадка, строка о сахаре должна быть в конце, то есть строфа предстанет в таком виде:

Говорят, в Сахаре выпал снег.

.....

.....

Но подозреваю, это сахар.

Я ушла в метро, обогащённая темой, уложить которую в строфу оказалось не так-то просто. Но из метро я вышла с готовой строфой:

*Снег в Сахаре выпал, говорят,
Уровень невиданно высок!
Говорят, но фактов целый ряд
Говорит, что сахарный песок.*

Глупая, случайная, маленькая строфа. Глупое, случайное, маленькое чудо. Нет, чудо не может быть ни большим, ни маленьким, оно неизмеримо. Да и вообще говорят, чудес не бывает.

2005

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

Дискуссии возникают с целью прийти к выводам, а приходят к новым дискуссиям. Слишком очевидный вывод непременно вызывает подозрение, принуждает задавать вопросы, подвергать сомнению ответы.

– Виновен Дантес или нет?

– Виновен. Дантес убил гения. Если бы он не убил его тогда, Пушкин прожил бы ещё многие годы. И написал бы многие произведения. Ему гадалка нагадала кризис в тридцать седьмом году. А дальше всё должно было идти спокойно.

Что-то чуть сдвинуто, чуть упрощено. Категоричность вывода настораживает, и рождается мысль: «А разворачивали бы мы дискуссию, если бы Пушкин убил Дантеса? И какой бы характер приняла эта дискуссия?» Золотая середина справедливости расположена в паузе между одной и другой дискуссиями. А от неё широко распространяется зона лжи и фальши, куда мы постоянно отступаемся, если слишком смело судим.

Обидно за Дантеса, которого осудили быстро и не интересно. Такая фигура, как убийца гения, должна быть стёрта в порошок с размахом, приличествующим случаю. Убийца гения сравним с убийцей царя. Для многих он значительнее убийцы царя. Тех, кто покушался на царей, казнили торжественно. Дантес заслуживает большего, чем огульное осуждение. Он заслуживает обдумывания. Доверившись любви к Пушкину и ненависти к Дантесу, доверившись противоречивым фактам, касающимся рокового конфликта – этому шороху, который неизменно сопровождает тему,

определим свою позицию и назовем её. А пока не будем топиться с выводами о виновности Дантеса и ставить запятую в опасной фразе судебного протокола:

казнить нельзя помиловать

Человек и гений – две составляющие, которые вынуждены существовать в пределах одной личности. Но человек зачастую не соответствует своему гению. Отсюда проистекает внутренний конфликт: или человек уступает гению и уходит от жизни в искусство, или гений может быть уничтожен избытком жизнелюбия, разменян на мелочи.

Пушкин-человек абсолютно соответствовал Пушкинугению. Гений Пушкина пылал жизненной силой именно в силу своей человечности. Пушкин-человек ни в чём не отказывал себе как человеку. Пушкин-гений наслаждался радостями творчества. Они не противоречили друг другу, а укрепляли друг друга. Человек соблазнял чужих жён, высмеивал их мужей, ревновал свою жену и считал смертельным оскорблением посягательство на свою или её честь. Гений живо участвовал во всех перипетиях жизни.

Пушкин-человек в первую очередь сам не берёт Пушкина-гения, вовлекая его в авантюры, столкновения с современниками, в разгул сложной и опасной жизни. А она не делает скидку на гениальность. Но если бы Пушкин-человек однажды засомневался в своих человеческих поступках и озадачился вопросом, как они скажутся на Пушкине-гении, его гений тут же утратил бы свой блеск. Пушкин – представитель своего времени. Точный, умный, ироничный, смелый выразитель века, общества, народа, страны. В нём ярко проявляются качества и характеристики времени и места.

Пушкин – и человек, и гений.

Но Дантес только человек. И это очень важно для данной дискуссии. В Дантесе всё стёрто и усреднено – родство, страна, народ, время и место. Он – общее место. В нём наиболее выражено всё общепринятое, поверхностное, существующее безотносительно к корням.

Но, тем не менее, Дантес и Пушкин – всего лишь два поссорившихся человека. Заурядная комбинация. Банальная ссора на банальную тему с банальным исходом. Ссора между людьми одного круга. Едва задеты гордость и честь, всё идёт

по накатанному пути. Конфликт. Дуэль. Смерть. Смерть Пушкина-человека случайна, обидна, но закономерна.

Пушкин погиб, и тут же забывается соотношение Дантес-человек и Пушкин-человек. Начинается некорректное сопоставление Дантеса-человека и Пушкина-гения. Разворачивается суд. Выдвигается обвинение. Мы упрекаем Дантеса. Дантес отвечает на наши упрёки.

Мы Дантесу: «В конфликте с таким человеком следовало помнить, что он бесценный гений страны, которая приютила тебя. Следовало заведомо не встречать в интриги с этим семейством, злодей!»

Дантес нам: «Значит, Пушкину можно соблазнять чужих жён, а остальным нельзя? То есть, раз гений, раз гражданин своей страны, значит, ему всё можно? А я думаю иначе: раз гений, то должен был вести себя соответственно – достойно и предусмотрительно. Пушкину самому не мешало взглянуть на себя со стороны и подумать о своих поступках. Я только пользовался его же методами, уважаемые судьи».

Мы Дантесу: «Когда ты целился в нашего Пушкина, почему ты не отвёл в сторону дуло пистолета? Ты должен был понять в тот миг, что перед тобой не ревнивый рогатый муж, а солнце земли русской. Ты должен был сам погибнуть, раз не смог замять дело, и оно дошло до дуэли, злодей!»

Дантес нам: «Если бы я не довёл дело до дуэли, мы оба были бы опозорены, и в первую очередь я, как инициатор отказа стреляться. Кроме того, если бы я отвёл дуло в сторону и не убил Пушкина, то, простите, он бы убил меня в расцвете лет и карьеры! В выборе между жизнью и смертью я всегда выберу жизнь и имею на это право. Тем более условия спора и дуэли обязывали меня поступать так, как я поступал. Они же и оправдывают меня».

Нечего возразить.

А что, собственно, Дантес? Чужак, одиночка, случайная фигура, подвернувшаяся под руку провидению. Мы нашли виновного и тычем в него пальцем. Вся земля русская тычет и клеймит. А чуть раньше она во главе с царём травила Пушкина, издевалась и высмеивала, тыкала пальцем и клеймила. Но при этом крепко держала в ежовых рука-

вицах, не выпуская, запрещая куда-либо сбежать. Зато с умилением, с распростёртыми объятьями принимала иностранцев.

Суд над Дантесом всегда обернётся судом над самими собой. Над своей нечистой совестью, над полицейским обращением со своим народом, в особенности с лучшими его представителями, над пресмыкательством перед иностранцами, которые доныне имеют на Руси большие права, большие свободы, большую поддержку власть имущих – власть имущих. Суд над Дантесом всегда останется позорным фарсом, откровенным поиском козла отпущения, эдаким отработанным приёмом, которым пользуются теневые заказчики преступления с целью остаться в стороне.

Дантес всего лишь исполнитель, взявший на себя мокрое дело. Он в этой роли мерзок, но его человеческие колебания, его импульсивные поступки легко понять и объяснить. И отпустить ему грех легче, чем простить равнодушие и ханжество громадной махине – земле русской, от которой мы неотделимы. Вся вина, лежащая на ней, – наша. На нашей совести гибель Пушкина. Очень уж любит наша земля глумиться над своими солнцами. Чтобы непременно погубить, а потом вволю наплакаться в раскаянии, в умышленно позднему прозрению. Но всё это до явления нового солнца, на которые богата, потому и не ценит.

В дни, когда умирал Пушкин, многие и многие осознали свою личную вину за его смерть, свою негативную причастность к невосполнимой утрате. Именно современники – друзья, знакомые, читатели и почитатели – должны были беречь Пушкина-гения, прощая Пушкину-человеку проступки, которые не прощаются просто людям. Но они позволили ему быть только человеком без скидок на гениальность, и они же взялись рьяно судить Дантеса, ссылаясь на гений его жертвы. А мы бездумно поддакиваем.

Мы скорбим о Пушкине.

Но в скорби находим абсурдное утешение, что до последнего мгновения Пушкин остался человеком. Дантес загадочным образом помог ему в этом, доведя до абсолюта жёсткое требование пушкинского гения – быть израсходованным в полноценной человеческой жизни. И Пушкин ушёл

из жизни человеком с ангельскими крыльями, подвязанными ему злосчастным убийцей. Все мы вкуче хватаемся за эти крылья, норовя воспарить на славе Пушкина и сверху плюнуть на Дантеса.

Но виновен ли Дантес?

Уже прорастает новая дискуссия. И так будет до тех пор, пока мы не признаем объективную истину: Дантес поднял руку только на Пушкина-человека и нисколько не посягал на Пушкина-гения. Нет ни одного доказательства подобных намерений Дантеса.

А мы вот должны признать свою вину в гибели Пушкина-гения и затем разделить с убийцей вину в гибели Пушкина-человека. А тогда, завершая суд над Дантесом, твёрдой рукой поставить жирную запятую в единственно возможном месте последней фразы судебного протокола:

казнить нельзя, помиловать.

2001

НИЩЕНСТВО

Спасение не в том, что ты спасёшься, а в том, что ты спасёшь. И деньги хороши лишь те, которые спасают. Но если хочешь иметь деньги, не трать их.

Тема нищенства чрезвычайно интересна, особенно когда касаешься её не впопыхах, на бегу, а последовательно, когда снимаешь слой за слоем, вскрывая суть проблемы и суть своего отношения к ней. Нищенство – всеобщая неизлечимая болезнь, которая каждого тревожит, и разговоры о ней расстраивают. Но если отодвинуть в сторону – ну, только на некоторое время, – сострадание, от которого слеза застилает взгляд и ничего толком не видно, то удастся настроить резкость и проникнуть в существо вопроса.

Классический нищий – человек, лишившийся или лишённый средств к существованию, поэтому скорбный, измождённый, в рубище. Облик кричит о бедственном положении, отсутствии крова и пищи, о жизни, полной невзгод. Но сегодня нищий – образ собирательный. Кроме классического нищего сюда подтягиваются и другие категории людей, которые озабочены стиранием грани между понятиями «в положении нищего» и «в роли нищего». Объединяет одно – все, так или иначе, просят подаяния. Нищими называют только тех, кто просит подаяния.

Нищенство – стихия, по отношению к которой не получается выработать определённого отношения, в первую очередь потому, что не хочется. Поэтому, натываясь на неё, всегда чувствуешь себя не готовым. Испытываешь враждебность, раздражение, брезгливость, иногда жалость, но, чаще, подозрительное недоверие и всегда недовольство. Всем сострадать невозможно. Даже самые добродетельные подают

не всем. Интересно, кому и по какому принципу не подают добродетельные? С каким чувством они проходят мимо тех, кто просит подаяния? Без денег живёт тот, кто умеет жить без денег. А кто не умеет, тот просит. Но далеко не всегда просит тот, у кого денег нет. В этом деле важно, как себя поставить. Удивительно, но те, кому я помогаю, на поверку живут лучше меня.

Подать, когда у тебя вымогают, трудно. Чем активнее вымогают, тем меньше хочется подать. Не высшие материи движут тобой и побеждают в тебе, а простые чувства, во власти которых ты находишься, общаясь с нищим. Можно ли выработать систему подаяния, при которой будешь собой доволен? Определить, например, число нищих, которым ты должен подать за день, за неделю, и следовать этому. Но тут проблема – а чем тот, который попался после списка, хуже? Ведь он такой же страждущий. Ведь нищенство не единая масса, бросив в которую горсть монет, ты удовлетворишь массу в целом. Нищенство – многоглавый дракон, и каждая голова требует персонального внимания.

Тех, у кого просят, можно классифицировать на не подающих никогда, подающих редко, подающих часто, подающих стихийно по внутреннему импульсу, подающих из практических соображений – в надежде, что ТАМ зачтётся. Они идут и едут по городу, видят множество разнообразных просящих: старух и стариков, инвалидов, женщин с детьми, детей, азиатов, музыкантов и певцов, людей здоровых и хорошо одетых, уверяющих, что другого выхода нет, бомжей, монашек и монахов.

Жалкие, плохо одетые пенсионеры – неясная мимикрия под нищего, без мысли следовать ему. А намеренно ободранные и грязные люди, протягивающие руку за подаянием, явная мимикрия под нищего. Не всякий решится так выступить. Для этого нужно усилие преодоления цивилизованной нормы. Но если преграда преодолена, открывается море возможностей. К одевшемуся нищим на нашем непрекращающемся карнавале особое отношение, но положение его не лишено выгод. Костюм приниженности и нужды. Немое кино. Театр мимики и жеста. Кто хорошо работает, тому лучше платят.

Нищенство на Руси заложено в глубинных славянских обрядах и традициях. Весёлые ряженые – обязательно устрашающе разодетые и скрывающие лица под сажей или масками – колядуют, собирают дары. Им радостно выносят. Подаяние измеряется мешками. Нищий требователен и разгулен. Попрошайничество и подаяние соединены в идеальный ритуал, где достигается недостижимое – обоюдное удовольствие сторон.

Также традиционно во всём мире бродяжничество, сегодняшние наследники которого бесконечно едут в поездах метро, в электричках, в тамбурах вагонов дальнего следования. У нищего богатое и романтическое прошлое, сложная родословная. «Ничего на свете лучше нету, чем бродить друзьям по белу свету», «...и кто-то камень положил в его протянутую руку», «Обидели юродивого, отняли копеечку...», «Я весь – одно лицо», «Нищих надо убивать».

Всегда добросовестно читаю табличку, с которой ходят по вагону метро лица, занимающиеся попрошайничеством. Чем меньше внешних признаков обездоленности, тем пафоснее скорбный тон, трагичнее выражение лица и фигуры, жалостливее призыв, нацарапанный на картонке. И всё равно не очевидно и не убедительно. И всё равно кто-то подаёт.

Мимо некоторых прохожу без всякого сожаления. Мимо некоторых с сожалением, что не подам – деньги лежат далеко, и меньше хочется задерживаться, доставая их, чем сделать доброе дело. Ухожу с утешительной и обманной мыслью, что потом положу деньги поближе и легко подам первому, кто мне покажется, кто восхитит изобретательностью или невзначай ответит моему настроению. Эта мысль утешает, я ухожу и забываю.

Очень редко я всё же достаю деньги и возвращаюсь, чтобы подать старым-престарым старухам. Молодой и сильный мужчина в приватной беседе сказал, что не подаёт никому, только парням-инвалидам, и не скуп. Флейтист сказал, что подаёт музыкантам, игра которых понравилась. Прослеживается прямая зависимость – каждый соперевживает тому, на месте кого может представить себя. И тогда, пожалев себя, способен подать.

Очевиден и убедителен только факт. Старик с табличкой на груди «100 лет». Инвалид, человек-укор, безногий, безрукий, пробирается в метро под ногами. Трудная работа. Инвалидами в метро должны работать здоровые люди.

Нищенство – первобытный маскарад, за которым стоят сложнейшие человеческие отношения. Идёт крупная игра. И всё время остается чувство, что тебя надувают, а ты не знаешь как. Да, надо быть выше этого, искать поддержку в лучших примерах христианства. Но человеческое побеждает. Люди боятся глядеть в глаза просящих. Отворачиваются, не подавая даже тем, кому склонны подать. Умно и профессионально собирают пожертвования только монахи и монахини. Эти не смотрят в глаза, они держат головы опущенными, поднимая повыше свою коробочку. Им подают легко. Подаяние осуществляется без непосредственного общения.

Нищенство пестро и противоречиво, мотив какой угодно, но главные просматриваются: стиль жизни и жизненная позиция; профессия с прямой материальной выгодой, способ общения, возможность и шальная надежда обратить на себя внимание, обречённость, наконец. Свобода сегодняшнего дня дала нищему право на существование, и он вышел к людям, готовый к свершениям, как и любой другой человек. Нищенство – это такая же работа, как и многие другие, со своими преимуществами (свободный график, работа с людьми) и недостатками (преследования властей, нестабильность дохода, тяжёлые условия труда). Выделить нищего в группу повышенной жалости – это поставить его в противовес всему обществу, – каждая группа которого, на поверку, достойна жалости, ведь уже два века назад установлено, что на Руси никому не живётся весело и вольготно.

И вот, костяк феномена нищего... Каждый знает способ возвыситься – надо унижить других, покрыть их грязью, притоптать. Этим способом пользуются многие и небезуспешно. Он очень распространён среди не нищих. Но есть его антипод, столь же неприглядный – унизиться за счёт возвышения других. Вот метод нищего. Его действенная сила – прямолинейная лесть. Приятно бывает подать сверху вниз, свысока, с вершин своего благополучия какую-то монетку. Не глядя на того, кто протягивает робкую грязную руку. Не

останавливаясь. Что стоит монетка по сравнению с головокружительным чувством превосходства! Как отвратительно развращают нас нищие, насильно противопоставляющие нас себе.

Положа руку на сердце: нищие противны со всей подноготной, которая стабильно черна. Не подают нищему не жадные и не плохие, а те, кто ещё считает нищего человеком и относится к нему по-человечески, подходя к нему, как к равному, с теми же мерками, которые предъявляют к самому себе. А нищий не хочет такого отношения, оно лишает его дохода! И он ещё больше старается избавиться от человеческого образа, который в нём сквозит. Вершина нищенства – бомжи. Они единственные, у кого в глазах нет огня наживы. Вот заслуженные нищие, внушающие своеобразное уважение, стихийный ужас. Но они не просят. Они научились жить на уровне тротуаров и сточных канав. Куча грязи и мусора у моста, а самый большой ком грязи – человек в середине.

Тот, у кого просят, обречён проводить блиц-анализ видимых фактов, на основе которого принимается блиц-решение верить или не верить, подать или не подать. Каждый добрый и честный человек, у которого просят, сознаёт цинизм этого момента: проверять истинность скорби. Поэтому подал ты или не подал, ты всегда будешь недоволен собой. О чём и говорил Заратустра.

Лучше не проводить блиц-анализ, а довериться стихийному порыву. Подал или не подал – это всегда случайность и для тебя, и для просящего. Угадал ты или не угадал в нищем действительно нуждающегося – тоже случайность. Такой подход освобождает от моральных мук, а деньги, упавшие в протянутую руку, становятся такими же лёгкими, как деньги, брошенные в фонтан. Возможность остаться довольным фактом подаяния – это подать по доброй воле. Также приятно помочь человеку, который не просит, но ты знаешь, что он нуждается. Ведь это честно – отдать по своему желанию. Доброе дело тем и отличается, что делается по доброй воле, а не против воли, как это складывается при встрече с нищим. Нищий на пути – всегда испытание.

Никто не любит, чтобы его принуждали к доброму делу. Каждый желает сам распоряжаться своими добрыми

делами, делать их по велению души, а не по приказу, принуждению или по случайности. Когда вслед за мной по моему проездному проскальзывает кто-то, мне противно, хотя и с ним, и без него я трачу одну поездку. Хитрец предупредительно позаботился о том, чтобы я максимально рентабельно использовала поездку, вставив в неё себя, его и моё доброе дело по отношению к нему. Терпеть не могу тех, кто меня использует! Что-то этически невозможное осуществляется при этом.

Одну поездку не жалко. Если бы он попросил меня провести его, я бы позволила ему пройти следом или даже потратила на него другую поездку. А может, и нет. Это «а может, и нет», которое он во мне подозревает, толкает его на поступок, обеспечивающий непререкаемое «да». Происшедшее однозначно унижает меня. Пройдоха вышел за турникет ловким победителем, а я обманутой растяпой. Он сэкономил одну поездку, я ничего не сэкономила, хотя и не потеряла. Он в выигрыше по сравнению со мной и благодаря мне. Но я не хочу, чтобы меня благодарили за то, что у меня отняли без моего ведома. Я чувствую себя обворованной. Только украдена не поездка, или даже полпоездки, а нечто гораздо более ценное, или даже бесценное! Произведена ловкая подмена. Нечто сокровенное и важное оценено в полпоездки на метро. Вор так и считает. Он уверен, что ровно столько отнял у меня, и не больше. Но я считаю не так.

Внутри ситуации была возможность добровольно сделать доброе дело. У меня её отняли, не выясняя, способна ли я на доброе дело, то есть сразу заклеямили как человека недоброго. Не спросив согласия, меня принудительно выдвинули в добрые люди путём насильственного изъятия у меня доброго дела. Отняли и доброе дело, и возможность его не сделать. Во-первых, меня унизили, подумав обо мне плохо. Во-вторых, у меня отняли свободу выбора, ограбили не на поездку, а на целое доброе дело по собственной доброй воле. Я уехала на работу униженной и оскорблённой. Мою душу, ничего не подозревающую, тёплую, ещё спящую, хапнули грязными руками.

Почему бы не сделать доброе дело, если оно тебе ничего не стоит? – говорит Крыса в сказке «Дюймовочка», но

говорит-то о себе и о своём добром деле, которое ей самой ничего не стоит, поэтому она его и делает. Вот, всё зависит от того, с чьей стороны задаётся вопрос и в отношении кого он задаётся. Дело-то доброе – моё. Мне и решать, как с ним поступить. И крайне противно, когда кто-то другой за меня решил, как поступить с моим добрым делом. Он оправдывает это тем, что для меня моё доброе дело в отношении него ничего не стоит, и почему бы тогда ему не подтолкнуть меня в нужном направлении? В этом-то и заключается примитивный расчёт вора. Отняв у меня свободу выбора, он смущённо утешает меня за турникетами – тебе ведь это ничего не стоит. И благородно не замечает выражение протеста на моём лице. Принцип отработан до совершенства: твоё плохое настроение – это не моё плохое настроение.

Также и при встрече с нищим. Делаешь доброе дело против воли, и оно мигом превращается в недоброе. Проигрываешь дважды – за свои же деньги делаешь недоброе дело. Трудно при этом быть довольным. Я не способна возвыситься над фактом принудительного подаяния так, чтобы оно стало в моих глазах добрым делом. Поэтому сознательно уклоняюсь от него. Конечно, не все, кто идёт в обличии нищего, непременно притворяются. Есть существа, достойные жалости, помощи и сердечности. Но и в среде не нищих есть инвалиды, старики, одинокие, дети-сироты, неудачники, потерявшие жильё и даже всё состояние в результате интриг злодеев. Никому не приходит в голову считать их нищими или, наоборот, лишить их сострадания и помощи. Они не нищие, потому, что не просят подаяния, не делают этот акт статьёй дохода или способом выжить.

Подавляющее число людей не утруждают себя поиском настоящих страдальцев в пёстрой толпе просящих и не подают никому. Опыт подсказывает, что истинных страдальцев не так уж много. Это не каждый. Даже не каждый второй. Но те же самые не подающие бескорыстно помогают тем не нищим, которые бедствуют. Эта форма неявного подаяния, эта добрая воля спасти, – не столь же она достойна одобрения? Эти чёрствые, не больше ли они отдадут, чем тот, кто отстегнул купюру и забыл, и свободен, и спасся?

Иррациональный институт нищенства – это социальный протест против всех способов формального распределения: по возможностям, по потребностям, по труду. Нищенство – уродливое воплощение любви и надежды, о которых страдает каждый. Нищенство – спонтанный призыв, стихийная апелляция не к абстрактной совести общества, а к индивидуальной совести отдельно взятого человека. Это попытка достичь идеала лучших утопий: распределения по совести. По-божески.

В странах, где государство добрее народа и отдельного человека, нищие не заметны, они кормятся из рук государства, им не надо вставать на пути случайных спонсоров и трясти их. Если Россия переполнена нищими, это говорит о том, что каждый наш человек, даже тот, который никогда не подаёт, отзывчивее и доверчивее, добрее и сострадательнее, чем государство и общество в целом. Исторически по своему характеру наш народ всегда добрее и щедрее государства. В этом основа процветания нищенства. Россия всегда будет изобиловать нищими в силу лучших качеств её народа.

1997–2010

ЧУРИКИ!

Времени нет!

Наличие времени подтверждают как раз те слова, которые указывают на его отсутствие.

Сколько в этом противоречии жизненной силы, нажитой традиции, фамильярности и панибратства, простодушного заискивания, дешёвого кокетства, ошеломительной глупости в обращении с бесконечностью.

Пространство и Время – две философские категории, вроде бы равноценные, насколько бесконечности могут быть равноценными. И выступают вместе. По крайней мере, в философской литературе. Но стоит взглянуть на них с бытовой, прикладной, так сказать, точки зрения, применительно к человеку, и сразу становится ясно, что это две большие разницы, как говорят в благословенной Одессе.

Пространство разное, а Время одно.

Пространство можно выбрать, а Время жёстко навязано.

Пространство – материал для освоения, Время – орудие освоения.

Только Время оставляет отпечатки жизни по всем направлениям Пространства. И единственное существо, жизнедеятельность которого может сознательно создавать и хаос, и гармонию, – человек. Время делает ставку на него. Время нуждается в союзнике. А человек чешет репу.

Дурак Времени не знает.

Краткостью существования, разнообразием задач человек, в свою очередь, испытывает Пространство и Время, пытаясь заставить их служить себе на том отрезке совмес-

тившихся бесконечностей, который представляет собой его жизнь. Открывается потрясающая картина. Насколько безразлично и статично по отношению к человеку Пространство, настолько активно, требовательно, мощно заявляет о себе Время.

Всему своё время.

Множество поговорок и высказываний связано с обытовлением понятия Времени.

Время – деньги.

Время, которое у нас есть, это деньги, которых у нас нет.

Время деньги даёт, а на деньги Время не купишь.

Делу – время, потехе – час.

И ни одной поговорки с понятием Пространства, которое используется в народе очень осторожно. Пространство комнаты, дома, двора. Пространственная структура. Космическое пространство. Видимое пространство. Видимое...

Пространство видимо. А Время-то невидимо!

Именно в Пространстве мы прячемся от Времени. Чем Пространство больше и равномерней, тем меньше в нём заметно Время, а чем Пространство уже и разнообразней – тем больше заметно Время.

Время становится видимым в Пространстве только посредством человеческой деятельности. Только человек может скинуть со Времени шапку-невидимку. Если же он оседлает Время, то достигнет потрясающих результатов и сможет с полной уверенностью заявить, подобно мухе, сидевшей на голове вола, – «Мы пахали!»

Итак, Время хочет, чтобы человек делал его видимым. А человек – существо небескорыстное, прижимистое – подминает, подминает под себя бесконечность, попавшую в зависимость от него, всеми силами стараясь приручить, подчинить её себе, как предмет быта или домашнее животное.

Невообразимые словосочетания созданы и используются в народе с одной только устойчивой тенденцией – обуздать бесконечность. Практически все предполагают переносный смысл – соотнесение бесконечности Времени с

конечностью какого-либо процесса жизни-деятельности. Буквальный же смысл – устойчивый абсурд.

«Потерянное время» – положил бесконечность в карман, а карман с дырой.

«Безвременье» – ситуация полного блаженства, полной безответственности, когда мухе не надо сидеть на голове вола, так как вол и сам не пашет.

«Много времени» – та же ситуация полного блаженства, но подпорченная близящейся конечностью и ведущая к понятию «Мало времени».

«Временное явление» – в переносном смысле краткость, а в буквальном – полная бессмыслица, ведь всё в мире – временное явление. То же – «Временная передышка».

«Безвременная кончина» – указывает на необоснованную краткость чьей-то жизни, а буквально, указывает на выпадение человека из потока Времени в безвременье в виду смерти. То есть всякая кончина безвременная.

– *Что делается на века?*

– *Надгробная плита.*

«Если будет время» – абсолютный парадокс, без комментариев.

«Вагон времени» – великолепно! По смыслу означает количество даже большее, чем «Много времени» или «Времени немерено». Очень по-людски. Так маленький ребёнок, желая иметь больше сока, переливает сок из маленькой чашки в большую, и пьёт из большой с полной уверенностью, что достиг желаемого.

«Убивать время» – вот и показали свою звериную сущность. Если не справились с противником в честном бою, то остаётся его коварно убить.

Но это ещё не вся глубина. Вся глубина польхает изумительной первородной глупостью, которую можно извлечь простым вопросом: что же всё-таки убивает человек, когда убивает время, когда на миг решится рассматривать его как бесконечность? А человек, таким образом, мазохистски последовательно и убеждённо лишает жизни себя самого. Точно, как в анекдоте, где Василий Иванович встречался с гением дзюдо. Гений дзюдо его гнул, гнул, гнул. Василий Иванович ничего не мог поделать, но очень

хотел как-то героически ответить. Вдруг увидел перед собой зад противника, укусил со всей силы и потерял сознание от боли.

«Время потерь и прозрений» – тавтология, в принципе, просто Время. То же – «Время перемен».

«Вовремя» – барьер при беге с препятствиями. Бодрящее явление, дающее возможность физически ощутить крошечную победу над бесконечностью, почувствовать себя черепахой, которую никогда не догонит Ахиллес, и насладиться голографическим совершенством иллюзии. «Вовремя» – игра, схожая с ловлей тараканов. Требуется собранности и ловкости, чтобы не поддаваться суете, а бить точно, отмеряя скорость и траекторию. Человек тревожно напрягается, пока способен оценить реальный размер препятствия. Если размер перехлёстывает грань понимания и выливается в бесконечность, устанавливается спокойствие обречённости. «Не вовремя».

«Упущено время», «Время ушло» – когда при беге с препятствиями сшиб все барьеры. В бытовом смысле – отстал, не успел. В буквальном – выпал в безвременье, умер. Не время ушло, а ты ушёл. Грустно видеть, что в заигрываниях со временем человек не замечает своей смерти, более того, торопит её.

– *Он жив?*

– *Нет, он... покойный.*

«Повреждённая оплата» – плата не за сделанное дело, а за затраченное время, фактически, за израсходованную жизнь. Эта плата должна быть гораздо выше сдельной.

«Его время», «Моё время», «Не твоё время» – по-прежнему делим игрушки в песочнице...

«Несвоевременно», «Своевременно» – иногда в толкованиях достигаем высокой афористичности.

Есть ли что-либо более своевременное, чем коньяк?

«Приметы времени» – понятие, напрямую отвечающее своему буквальному смыслу – отпечатки Времени в Пространстве жизни.

Когда мне было двадцать шесть, я не думала, что молода. Когда мне теперь сорок три, я так думаю. Что я буду думать о себе, когда мне будет девяносто пять?

Время существует только для человека. Только человеку важна последовательность.

Дряхлая старуха кричит молодому мужчине, бегущему на красный свет: «Тебе что, жизнь надоела!?»

Или: дряхлая старуха, несущая рекламный плакат: «Секонд хенд».

Логика зрелости – это когда состояние одного дня расчленяется на составляющие вечные и частные. На частные надо махнуть рукой, хотя именно из-за них самая боль, самые переживания, самая высокая температура. А вечные незыблемы, уважаемы. Ты их раб и слуга. Ты иногда их водишь за нос, но всегда зависишь от них и боишься их. Когда рядом одно вечное, температура всегда низкая. Страстями пребываешь в частном, а жизнь и смерть твои – в вечном.

Из окна троллейбуса вижу рядом новую чёрную машину, ещё без номеров. Вскоре опять смотрю в окно и вижу ту же чёрную машину, но уже с номерами и забрызганную грязью. Наконец, в третий раз взглядываю в окно и снова вижу ту же совсем разбитую мятую чёрную машину, которую тянут на тросе. Неужели жизнь так быстро уходит?

Мало что удаётся человеку при количественной оценке Времени. Но не хочется подчиняться, хочется подчинять. Это неплохо получается при качественной оценке.

«Удобное время», «Рабочее время», «Тёмное-светлое время». «Раннее-позднее время». Художница показывает картину «Дерево юности», толстые упитанные тела на дереве, ветки гнутся от тяжести.

Юность – самое тяжёлое время.

«Настоящее, прошедшее, будущее Время» – человек занял своё законное место, поставил себя как точку отсчёта, как пуп земли-Пространства и повёл учёт и контроль. Дебит-кредит. Нетто-брутто. Вышло, что есть только прошедшее Время. Настоящее и будущее сосчитать невозможно. «В первое время» (в начале твоего дела) – прошедшее. «В последнее время» (под конец твоего дела) – недавнее прошедшее, настоящее? Неопределённо. Отсюда вытекает следующее понятие:

«Со временем» (когда-нибудь потом) – понятие особенно комфортное, многообещающее, ни к чему не обязываю-

щее и на удивление совпадающее с буквальным смыслом. Коммунизм и развитой социализм грамотно использовали его, не выпадая из философских тетрадей.

В ногу со временем!

Время не ждёт!

Время – вперёд!

Здесь тонкий нюанс между смыслами слов «делать» и «сделать». Главное, не отставать, не важно, успел или не успел совершить-завершить что-либо созидательное, главное – начать или быть готовым начать. Понятие, родственное бодрому, но ничего не обещающему «на пороге».

Нет ничего хуже, чем ждать или догонять.

У опоздавшего всегда есть объяснение, которое гораздо убедительнее любых претензий ждавшего. Опаздывающий более готов к нападению, чем ожидающий. Потому что в недоумениях того, кто ждёт, всегда присутствует страх потери. Ожидающий зол, но он и растерян как раз на тот маленький, душераздирающий допуск. Мгновенная ненависть по отношению к опоздавшему, который, слава богу, не утрачен, не преодолевается потом никакими его заискиваниями и объяснениями. Но всё же, очень тяжело смотреть, как топчется человек с гружёной тележкой.

Пространство статично. Человек пересекает его во всевозможных направлениях и так осваивает. С тележкой и без неё. По сути, в примитивном понимании, только так и можно освоить Пространство, – проложив маршруты, натоптав тропы, рассчитав траектории. Механически.

Лишь музыка и архитектура работают с пространством творчески.

Пространство, а не камень, материал архитектора.

*Архитектуру не делают, за Архитектурой летают чудом...*¹⁹

Время, потраченное на формирование Пространства, становится видимым.

Время распространения в Пространстве звука становится слышимым.

В общежитии летом, ранним утром, откуда-то сверху с восемнадцатого этажа, мимо распахнутых окон летел звенящий будильник. На всех этажах спящие с мукой продира-

ли глаза. И удовлетворённо уронили головы на подушки, когда прибор звучно разбился об асфальт.

Видимое и слышимое Время. Да это часы!

Снаряд, показывающий делянки суток.

Считает наш век, а не человек.

«Бесшумное время» – часы стоят. «Громкое время» – часы идут. Они обладают всеми свойствами живого существа. Бегут, стоят, отстают. Ходят и бьют. В сказке «Бобик в гостях у Барбоса» мило обыгрывается эта особенность часов: они «ходят», и Барбос озадачен, они «бьют», и Барбос напуган.

Часы на руке жёлтые и зеркальные. Глубокие на плотной коже руки, – как звериный глаз. Бездонные. Бездонно, безмерно, необратимо Время. И всё прицельно, туда, туда. «Время года», «Время суток», часы, минуточки, секундочки... Разговор двух маленьких девочек:

– Дай мне на секундочку твой веер.

– На. И давай назад, – отнимает.

Просившая в недоумении. Обладательница веера нравоучительно:

– Никогда не путай секундочку и минуточку. И будь внимательна, когда в следующий раз что-нибудь попросишь. Потому что секундочка – это очень мало.

Часы указывают на сроки. Сроки становятся поводом к внезапным конфликтам, удивительным открытиям, детективным завязкам и развязкам.

Знаменитая сказка Шарля Перро «Золушка» показывает калейдоскоп переживаний и возможностей, связанных со сроками. Но главные герои сказки вовсе не Золушка и принц, а туфельки и часы. Одни лишь туфельки в наряде Золушки не поддавались изменению по истечении назначенного феей срока. Они были настоящими, не волшебными, просто сделанными из нетрадиционного для туфелек материала. Один лишь предмет во дворце не был сказочным: часы.

Первые упоминания о механических часах относятся к VI веку. Но современные механические часы, которые отбивают время и переводят стрелки, создал Христиан Гюйгенс в 1657 году. Часы были техническим нововведением в

то самое время, когда творил Перро (1628–1703). Писатель смело разместил их в сказочном дворце и поставил Любовь в зависимость от движения стрелок и боя часов – видимого и слышимого Времени.

*«...фея усадила её в карету и строго-настрога приказала возвратиться домой **до полуночи**.*

*– Если ты опоздаешь **хоть на одну минутку**, – сказала она, – твоя карета снова сделается тыквой, лошади – мышами, лакеи – ящерицами, а твой пышный наряд опять превратится в старенькое, заплатанное платьице».*

*«...Золушка вдруг услышала, что дворцовые **часы бьют одиннадцать часов и три четверти**. Она встала, поклонилась всем и пошла к выходу так быстро, что никто не успел догнать её».*

*«На другой вечер... Золушка забыла обо всём на свете, даже о том, что ей надо уехать **вовремя**, и спохватилась только тогда, когда **часы стали бить полночь**. Она поднялась с места и убежала быстрее лани».*

Есть ещё одна сказка о часах, отбивающих сроки, – нежно любимый всеми «Аленький цветочек». Сказка написана Сергеем Тимофеевичем Аксаковым за год до его смерти, в 1858 году. Бесстрастное Время снова выходит на сцену. Теперь от Времени зависят Любовь и Жизнь.

*«Золот-перстень мой у тебя лежит, надень его на правый мизинец и очутишься в доме у бабушки родимого... а и только я скажу тебе: коли ты ровно **через три дня и три ночи** не воротись, то не будет меня на белом свете, и умру я **тою же минутою**...»*

*«День проходит, как единый час, другой день проходит, как минуточка, а на третий день стали уговаривать меньшую сестру сёстры старшие, чтоб не ворочалась она к зверю лесному, чуду морскому. «Пусть-де околет, туда и дорога ему...» И прогневалась на сестёр старших дорогая гостья... и было положено, чтобы до срока **ровно за час** воротилась... А сёстрам то в досаду было... взяли они да **все часы в доме целым часом назад поставили**... И когда **пришёл настоящий час**, стало у молодой купечкиной дочери, красавицы писанной, сердце болеть и щемить... и **смотрит она то и дело на часы отцовские, аглицкие, немецкие**...»*

Любящее сердце оспаривает неоспоримую истину.

Не велика заслуга – пренебрегать и сорить Временем. Но надо иметь большую уверенность, отчаянную смелость, чтобы всё-таки не поверить Времени. В «Аленьком цветочке» Время измеряется Любовью. В «Золушке» Время измеряется благополучием.

«По часовой стрелке» – легко и непринуждённо, или стремительно, или томительно медленно. Но всегда естественно.

«Против часовой стрелки» – противоестественно, немислимо. Как понятие Времени определяется словами «времени нет!», так невозможность поворота Времени вспять определяется словами «против часовой стрелки». Ребёнок, ложась в кроватку, встревоженно спрашивает у матери:

– Кто следит за временем, когда все спят? Откуда спящий знает, что время идёт?

Он уже чувствует нерадивость взрослых по отношению ко Времени и опасается, что пока будет спать, взрослые прозевают и своё, и его Время. А взрослые действительно экспериментируют. То «Скачок во Времени», то «Временная петля», то «Машина Времени» или, того хуже:

Остановись, мгновение!

Взрослые пытаются управлять Временем, принудить его идти вспять, хотя бы остановиться. Взрослые жмут на тормоза и кнопки, пока спит торопящийся Время ребёнок. А жизнь поступательно тащит вперёд. И не прыгнешь.

Вот жизнь наша – не можем остановиться даже на минуту, чтобы расцеловаться с хорошим человеком!

И хочется со всей силой убеждения крикнуть волшебное слово:

Чурики!

Останавливается время игры. Останавливается Время.

«Чистое время» и «Грязное время». Чурики добавляют Времени грязи. Что ж, человек сделан из грязи, да и вообще он существо замусоренное. Но он нужен Времени. А с кем поведёшься, от того и наберёшься.

Если подчиняться одному только Времени, то и Пространство будет освоено, и всё, составляющее его и населяю-

щее его будет прислуживать тебе. Но если пренебречь Временем, этим единственным твоим властелином, станешь последним рабом среди рабов.

Не лучше ли остаться рабом одного только Времени? И пусть все прочие, стремящиеся властвовать над тобой, горячатся и кричат: «Я тебе покажу!»

Не надо горячиться и кричать.
Время покажет.

2004

ИМЯ

Вы, может быть, думаете, что
название роли не играет?

*А. Некрасов. Приключения
капитана Врунгеля*

Пространство так велико, что каждый, кто захочет в нём что-либо разместить, преуспеет.

Царь ни от кого ничего не ждёт, и ни на кого не надеется. Как раз наоборот, все остальные от него ждут и на него надеются, а потом сотни лет удивляются тому яростному максимализму, тому размаху, с которым Пётр швырнул на берега большой реки роскошный город. И потребовал от него жить. И обязал своим именем.

Sankt-Petersburg.

Назвал по чужому, обнаружив под бронированным панцирем патриотизма трогательную слабость ко всему заграничному, и одним этим жестом утвердил в русской душе подобострастие перед иноземцами.

Санкт-Петербург.

Имя не выковывалось историей, не привязывалось к географическим названиям. Город поименован, как человек, как царский сын. Как наследник мужского пола, рождённый амбициозным порывом оспаривать чьё-либо первенство. Вторая столица... Северная Венеция... Что величественнее возносит в небо купола и шпили – Петербург или Москва? Что достойнее рассекает волны – Петербург или Венеция? Чем западнее и севернее, тем более мужественно звучат имена: Рим, Париж, Берлин, Мадрид, Лондон, Стокгольм, Брюссель, Петербург... Но чем восточнее и южнее, тем женственнее: Вена, Флоренция, Варшава, Прага, София, Москва... Тонкая скань окончаний жёстко выковывает характеры.

Пётр сознательно давал новорождённому мужское имя. Он знал, что все доводы «за» и «против» будут однажды оспорены. Неоспоримо только превосходство мужского над женским. Мужской выдержки над женской суетливостью.

Мужского глубокомыслия над женской поверхностностью. Мужской целеустремленности над женской непоследовательностью. Мужской суровости над женской кокетливостью.

Вторая столица. Во всех поворотах истории так называли только Петербург. Даже, когда он первенствовал. Непреходящая вторичность, и всего только из-за разницы в возрасте. Москва или Петербург? Спор нескончаемый, всегда пылкий. До слёз, до тяжких обид. Колебания маятника Фуко. Туда и обратно... Туда и обратно... Путешествие из Петербурга в Москву... Путешествие из Москвы в Петербург... Какой город лучше? Петербург или Москва? Спор парадокс. Несовместимое в упорно делящейся попытке совмещения. Спорщикам кажется, что они сравнивают равнозначные объекты – города. Но на самом деле они спорят друг с другом о достоинствах мужского и женского.

Москва мелочная, переменчивая, сварливая, озаряемая вспышками блестящих прозрений, которые тут же тонут в пустой сплетне. Простолюдинка, долгой чередой веков шедшая к вершинам власти, походя учившаяся правилам приличия и величия. Старуха, оторвавшаяся от разбитого корыта и выскочившая в столбовые дворянки. Но не в пример старухе была смекалиста, не растеряла достигнутого. А в корнях всё равно голь и нищета, капризы ландшафта и мелких правителей. Родословная заведомо подпорчена природной склонностью к торгашеству и мещанству. Собственно, у многих столиц подобная история. Но не у Петербурга.

Этот голубых кровей. Замешан на скандальной увлечённости царя Европой. Православие вынужденно привито на ветку католичества. Наряженный и завитой царский сын, обученный и вымуштрованный по западному образцу. Но с червоточинной, с незаживающей раной, с глухой обидой на отца – место рождения-то Россия. Похоже на Европу, но все же не Европа. Везде в Петербурге дышит эта глубинная досада. И немецкая родня лежит в царских гробах, тая обиду за навязанное православие.

А Россия затаила обиду на Петербург, на блестящего фаворита, противопоставившего себя стране. И Москва всегда втянута в соперничество. То скрытое, то явное. Соперничество Москвы с Петербургом, но не соперничество Петербурга с Москвой. Странно, но Москва завидует достоин-

ствам второй столицы, которых сама бы не хотела. Москва по-женски порывиста. Она отступает, скрывая бледность за румянами, растерянность за ярмарочным разгулом. Глубинно народная. Исконно русская. Убежденно православная. Но Москва отходчива, забывчива. Любовь к ней освобождена от условностей и церемоний. На неё можно махнуть рукой, с ней можно поссориться и помириться. Неофициальные отношения.

С Петербургом же отношения всегда официальные. Чопорный город, гордо задирающий нос. Но когда знакомство с ним состоялось, становится понятно, что нос задран не от чванства, а от необходимости держать голову высоко над волнами, чтобы не захлебнуться в большой реке. Петербург от рождения принуждён был плыть. Подобно младенцу Моисею, пущенному по ручью в корзине. Водоплавающий город. Флагманский корабль царской флотилии. Город – идея. Воплощённый фантом, несущий груз реального смысла. Головокружительен замысел. Беспрецедентен факт осуществления мечты, равноценной мечте создать новую планету. Космические затраты. Астрономическое число жертв. Нет в мировой истории другого города, другой подобной столицы, созданной мановением руки. Петербург – гигантский клон. Смолоду старый, убелённый благородными сединами. Он старше Москвы, хотя моложе её. Настоящий мужчина всегда старше женщины.

Вода – сущность Петербурга. Именно вода. Дитя, рождённое пылким царем, но воспитанное и выпестованное холодной водой. Только неистовая воля Петра могла принудить город противоестественно расти одновременно на обоих берегах очень широкой реки. Действительно большой реки. Город притянул берега друг к другу, сделал широкую реку своим центром, развернул на неё ансамбли и удвоил их высоту отражениями. Шаг ансамблей кратен ширине реки. Далёкие панорамы способны научить взгляд понимать масштаб царственности. На панорамы можно смотреть, как на огонь. Безостановочное изменение неизменного завораживает. В панорамах Петербурга непрерывно и неприметно движется река. Там, где её нет, город утрачивает обаяние мужественности, мельчая, становясь сопоставимым. С кем? С чем? Да с чем угодно.

Пока человек смотрит, он думает. Нелегко заставить современного человека думать. А панорама приводит его к этому состоянию деликатно, незаметно. Затягивает в себя, длит паузу, не отпускает. Мысль устремляется далеко, касается заинтересовавшей детали и возвращается усовершенствованной, уже дорогой для наблюдателя, невольно создавшего её. Человек влюбляется в облик, но любит детали. Человек уедет из Петербурга преображённым, с головной болью от непривычной потуги видеть и думать. Вернувшись оттуда, он говорит: «Я всегда хочу в Питер, но у меня всегда там болит голова». Слишком гудит ветер одиночества при внешнем многолюдии.

Человек изменится, а Петербург останется прежним. Невозможно стереть с его лица широкую холодную реку. Это она настойчивыми наводнениями освобождает его образ от случайного мусора, от нелепого сиюминутного макияжа, оставляя неизменными горизонталь и вертикали великолепия, тугие узлы их перекрестий. Река безжалостно сметает несовершенство. Но несовершенство – признак жизни. А Петербург совершенен. Люди чутки к его искусственной красоте, которая способна соперничать с природным совершенством, создавая свою правду. В Петербурге реализовано страшное стремление искусства – быть сильнее правды. Чугунные гроздья оград, каменные цветы, мраморные львы, бронзовые акантовые листья убедительнее легкомысленных и недолговечных созданий природы. Ничто не имеет завершения, кроме того, что создано искусственно. Петербург завершён.

Колыбель императоров, тихо раскачивающаяся днём и ночью, роняющая обломки точёного камня, тускло светящаяся полустёртым золотом. Всё призвано обозначать гулкую вечность. Город-гробница, которую при жизни воздвиг себе царь. Что в сравнении с ней пирамиды фараонов, мавзолеи султанов? Город-усыпальница, суровую торжественность которой не могут рассеять ни светлый день, ни буйный сорняк, ни детский смех. Это в Москве всё помещается и утрамбовывается. И туристское любопытство, и сувенирная суэта – всё имеет право на жизнь. В Петербурге же всё имеет право на смерть. Но не на заурядную, а на великую, на громадной арене, где каждая площадь, каждая арка и улица – декорации к непредсказуемому, но всегда тяжёлому спектаклю.

Есть города-герои. Петербург – город-трагедия. Здесь не пристало шуршать фантиками конфет. Только обёртками цветов. Здесь на каждом шагу в течение трёх веков разыгрывались многотысячные гладиаторские бои. Действительность неуловимо соскальзывает в бутафорию, а разыгранный на её фоне дешёвый фарс внезапно завершается кровавой смертью актёров.

Мёртвых уносят, потрясённые зрители расходятся, затаив на сердце тоску, а декорации стоят, ожидая новых зрелищ. И пока очередной спектакль не начался, везде сквозит хмурая скука кулис или запущенного музея, где ходишь без чувства причастности, без желания, только с навязчивой мыслью, что видишь всё это в последний раз.

И повторяю в мыслях ваше имя.

Петербург. А разве это ваше имя?

Мяч ударяется об асфальт, и с каждым ударом выкрикивается слово: «Я... знаю... пять... названий... городов... Москва... Ленинград... Киев... Одесса... Севастополь...» Ленинград?

Во многом из-за иностранного звучания имя города упорно стремились переименовать. Назойливое манипулирование именем довело до полной его утраты и превращения в партийную кличку. Петербург представляет на обозрение парадную красоту, но в глубине проходных дворов по-прежнему устойчиво дует ветер ненависти к позабывшим былое насильникам.

Но имя, имя!

Утратил родителя, испытал сиротство, пережил предательство сытой заграничной родни, узнал на своей холёной шкуре, каковы железные когти мировых катастроф. Всё прошёл вместе с Россией. Был молчаливо признан своим. И получил обратно своё витиеватое заграничное имя, как награду, как знак окончательного примирения.

Утром у пассажиров троллейбусов блестящие начищенные ботинки. Вечером все развозят по домам пыль своего города. Москвичи везут пыль сегодняшней толкучки. Петербуржцы везут пыль трёх свирепых веков.

2002

ТРИДЦАТЬ СЕРЕБРЕНИКОВ

...о находке надлежит немедленно сообщить...
Словарь нумизмата.

Смертная стихия денег.

В кругу человеческих прав и возможностей нет большей силы. Деньги бесстрастно идут через все руки, но оседают только в некоторых. Деньги дают свободу, но ставят в зависимость от себя самих. Люди самозабвенно отдаются деньгам. Болеют деньгами. Деньги – соблазн, которым проверяется достоинство. Любовь к деньгам – земная страсть, неистовая и разрушительная, ведь предмет страсти не объект, ощущение или процесс, а ничто. Люди умирают, а деньги остаются. Память о тридцати серебряниках хранится в истории, как память об историческом герое. Зло правдоподобнее любви. Зло объяснимо, а любовь нет. Зло измеримо, а любовь нет. За зло можно расплатиться, а за любовь нет. Образ убийцы ярче и убедительнее образа жертвы.

Иуда Искариот ведал общими расходами общины учеников Христа, нося с собой «денежный ящик» для подаяний (Ин. 12, 6); этот род служения часто ассоциируется с корыстным характером его устремлений (евангельский текст прямо обвиняет Иуду Искариота в недобросовестном исполнении обязанностей казначея). Далее евангельское повествование сообщает, что Иуда Искариот пошёл к «первосвященникам» и предложил свои услуги: «что вы дадите мне, и я вам предам его?» (Мф. 26, 15; ср. Мк. 14, 10; Лк. 22, 4). Назначенная цена – тридцать серебряников (ср. Зах. 11, 12–13). «Кого я целую, тот и есть, возьмите его» (Мф. 26, 48 и др.)²⁰.

Но почему именно тридцать? Много это или мало? Мало. Назначенная цена удовлетворила предателя, и это прямо указывает на его неверие в божественность учителя. Иуда Искариот продал не бога, а простого человека. Узнав об осуж-

дении Христа судом синедриона и выдаче его на расправу Понтию Пилату, Иуда в раскаянии возвратил деньги своим нанимателям со словами: «согрешил я, предав кровь невинную» (Мф. 27, 4). Не в силах исчерпать иным действием своё непоправимое зло, он в отчаянии удавился (Мф. 27, 5)²¹. Однако самоубийство как жест раскаяния – очень высокая цена за преступление. Предательство простого человека было оценено в тридцать серебряников, но за предательство бога пришлось доплатить собственную жизнь.

История денег началась с того, что египетский фараон Менес I в 3400 г. до н. э. повелел клеймить слитки золота своей титулатурой. Круглую форму деньги получили в V в. до н. э., так было удобнее чеканить маленькие золотые слитки. А название «монета» получили чеканные деньги Древнего Рима, потому что монетный двор располагался в храме Юноны-Монеты. Постепенно, как самая практичная, утвердилась круглая монета с двусторонней чеканкой²². Все монеты – деньги, но не все деньги – монеты²³. Тридцать серебряников Иуды были монетами.

Деньги умеют терпеливо ждать, чтобы однажды вернуться в кругооборот жизни и смерти. Единичная находка – официальное название находки одной или нескольких монет. Делать исторические выводы, исходя из одной монеты, нельзя. Но в жизни каждого человека есть хотя бы одна единичная находка, к которой привязана памятная цепочка событий.

По пустыне Мерва шли четверо путешественников, пристально глядя в горячую землю, чтобы случайно не наступить на змею или скорпиона. Даже усталость не могла ослабить их внимание. Синевя неба концентрировалась в зените, где пылало бесцветное солнце. По горизонту тянулись рваные цепи распавшихся пограничных укреплений некогда богатого города, уже почти стёртого временем. Грандиозные остовы ребристых кешков царили над пустыней, подобно скелетам доисторических чудовищ. Силуэтом высился мавзолей Султана Санджара, как единственный достоверный знак ушедшей цивилизации. Свесив бессильные руки, опустив головы, обмотанные белыми платками, четверо одолевали чересполосицу барханов. Взойдя на очередной гребень, первый из путеше-

ственников увидел на песке чёрный кружок и поднял его. Покрытая арабской вязью монета была горячая и очень лёгкая, истончённая отслаивающейся медной окисью. Это был мусульманский дирхем X–XI вв., серебряная монета весом около 4 г из серебра плохого качества, поэтому плохой сохранности.

Фальшивомонетчики появились вместе с появлением монет. Во всех общественных формациях право чеканки охранялось государством. Законы Солона (640–560 гг. до н. э.) и римских императоров жестоко карали изготовление фальшивых денег. Фальшивомонетчик подвергался смертной казни, а в монетах проделывалось отверстие. Однако опытные гравёры заделывали отверстия и затушевывали до полного сглаживания.

В Средние века в обращении находилось множество фальшивых монет, которые разрезали и разламывали, чтобы сделать недействительными. В немецкой духовной поэме XIV в. приводится диалог, показывающий, как иудейский первосвященник Каиафа выплачивал Иуде тридцать серебряников:

И у д а. Этот пфенниг – красного цвета.

К а и а ф а. За него ты получишь и хлеб и мясо.

И у д а. Этот пфенниг не годится.

К а и а ф а. А ты посмотри, какой у него звон.

И у д а. Этот обрезан.

К а и а ф а. Вот тебе другой.

И у д а. Этот с дырой.

К а и а ф а. Возьми другой.

И у д а. На этом фальшивое клеймо.

К а и а ф а. Если этот тебе не нравится, дам тебе другой.

И у д а. Этот – чёрного цвета.

К а и а ф а. Возьми другой и успокойся.

И у д а. Этот оловянный.

К а и а ф а. Ты решил нас измучить²⁴.

В VIII–XI вв. пфеннигом назывался средневековый денарий (*лат.* denarius – десятерик), который, в свою очередь, брал начало от римского денария – тяжёлой главной серебряной монеты Рима, самой распространённой в Древнем мире. Она имела вес 4,55–3,9 г и чеканилась начиная

приблизительно с 210 г. до н. э. Её фракциями были викториат (3/4 Д), квинарий (1/2 Д) и систерций (1/4 Д)²⁵.

Тридцать серебряников выступили на историческую арену, когда Римской империей правил император Тиберий (14–37 гг. н. э.), с недоверием и осторожностью относившийся к иудейской вере и обрядам²⁶. Известен систерций императора Тиберия, чеканенный в 20-е годы н. э., на оборотной стороне которого изображены два перекрещивающихся рога изобилия, откуда выступают бюсты внуков Тиберия – близнецов Тиберия Гемела и Германика²⁷. Римские монеты с таким изображением могли встретиться в Иерусалиме, когда там проповедовал Иисус. Однако в этот период преимущественно имели хождение монеты, на которых был выбит профиль и все титулы императора Тиберия. В таблицах нумизматического словаря значится: «Систерций, Тиберий, латунь, около 10 г. н. э. (подделка)»²⁸. Среди ныне известных древних монет могут оказаться и те самые, прошедшие через руки Иуды.

Монеты рассказывают о своём времени зачастую красноречивее и достовернее прочих источников. Неразгаданная история монеты, серебряной ли, золотой ли, превосходит конкретную ценность металла.

Умерла одинокая тетушка, оставив завещание трём племянникам – детям трёх её сестёр. Наследники поделили имущество и разъехались, разобрав на память странные, давно утратившие свое значение вещи: брату досталась гранёная хрустальная ваза, одной сестре малиновая плюшевая скатерть с золотыми кистями, другой большая кукла в газовом платье. Поделили и содержимое полотняного мешочка, который оставила тётушке её мать, как единственной дочери, не вышедшей замуж. Сёстры взяли по кольцу, а брат новую, без единой царяпины монету – николаевские 10 рублей 1899 года²⁹. Монета весело отражала солнечный свет. Царь был бесстрашен.

Но что же это были за деньги: тридцать серебряников? Как они выглядели, что из себя представляли? Став именем нарицательным, они как бы переместились из исторической среды в сказочную. Но, оказывается, это были вполне реальные деньги. Иуда заключил сделку с первосвя-

щенниками Иерусалимского Храма. Деньги были выданы ему из храмовой кассы. Это не могли быть римские деньги, так как они не принимались в Храме в качестве подношения Господу, считаясь не просто светскими, но и языческими, и потому для религиозных целей их следовало обменивать на деньги Храма³⁰.

В сделке между Иудой и представителями синедриона могли участвовать только «чистые» деньги – монеты античной Иудеи. Зловещие тридцать серебряников представляли собой тридцать иудейских серебряных шекелей. Шекель (от семитского saqal – взвешивать). На лицевой стороне шекеля изображена чаша и цветок ааронова посоха, по кругу дана легенда на арамейском языке. Вес монеты измерялся одним шекелем: Ш.1, это был античный семитический разновес в 1/60 мины, отличавшийся по форме от лёгкой и двойной мины³¹. Мина, в свою очередь, счётно-весовая единица стран Древнего Востока, под влиянием которой возникла греческая весовая и денежно-весовая единица (название происходит от ассиро-вавилонского «мина» – считать). В Греции существовал ряд локальных мин, но наиболее распространённой была аттическая, которая со времени реформ Солона (594 г. до н. э.) равнялась 436,6 г³². Следовательно, серебряный шекель, весом 1/60 мины, равнялся 7,27 граммам. А тридцать серебряников весили 218,1 грамма.

Средневековый автор, описывая торг Иуды и Каиафы и называя тридцать серебряников пфеннигами, ошибочно имел в виду денарии, римские монеты, хотя в его время уже было известно, что Иуда получил от Каиафы не денарии, а шекели. Выполнялись подражания. Подражания иудейскому серебряному шекелю периода античности называются Гёрлицкий шекель, они впервые отчеканены в XVI в. и выпускались вплоть до нового времени. Обычно чеканились из низкопробного сплава. Изображённая на лицевой стороне шекеля чаша превращена в кадильную, цветок ааронова посоха в лавровую ветвь, круговая легенда выполнена современным европейским шрифтом. Гёрлицкие шекели продавались в Гёрлице вблизи воздвигнутого там в 1481–1489 годы подражания гробу Господню в Иерусалиме,

в них видели тридцать серебряников Иуды³³. Паломники разбирали их на сувениры.

Как сила деньги всегда выступают во множественном числе и только в таком виде представляют собой непобедимую армию. Если рассматривать одну монету, то она обладает совсем другим характером. Чем дальше монета от возможности идти в оборот, тем больше возрастает её историческая значимость, символическая ценность, ювелирная индивидуальность. Найденная монета становится вехой на жизненном пути. Её значение как талисмана выступает на первый план, отгесняя все прочие. Это одна из немногих лирических нот в характере денег.

Цвела сирень. Двое влюбленных вышли на середину распаханного Бородинского поля и только тогда почувствовали себя в одиночестве. Всё отступило до горизонта, остался лишь тёплый ветер. Осмотревшись, они выбрали себе в качестве ориентира далёкий обелиск, увенчанный орлом, и направились к нему, топчя свежую пашню. Девушка заметила, как что-то сверкнуло под ногами. Среди комьев земли лежал серебряный полтинник 1921 года, потускневший, с чернотой, забившейся в углубления рельефа. Она с радостным удивлением рассматривала находку, невольно озираясь по сторонам, будто искала, кто потерял? Но слишком далеко было всё, что могло обронить монету...

В 1924 году произошла первая советская денежная реформа, был выпущен Декрет «О чеканке и выпуске в обращение серебряной и медной монеты советского образца». В обращении появились полновесные серебряные рубли и полтинники с датами «1921», «1922» и «1924» а также «1925» весом 9 граммов.

Тридцать серебряников, выступив множественным числом, сыграли свою роль. История предательства выверена по счёту и весу. Иуда Искариот покончил с собой, а тридцать серебряников остались. Но, представляя собой олицетворённую цену крови, они создали новую казуистическую проблему: деньги были выданы Иуде из храмовой кассы, но теперь не могли быть в неё возвращены по причине лежащей на них скверны. Для решения этой проблемы и, как

намекает евангельский текст, во исполнение пророчеств (Иер. 32, 9 и Зах. 11, 12) их выплатили весной 33 г. н. э. за земельный участок некоего горшечника, на котором устроили кладбище для иноземцев (Мф. 27, 6–7)³⁴. Есть версия, что Иуда был первым, похороненным на этом кладбище³⁵.

Деньги, выплаченные Иуде за предательство, назывались в разное время и в разных странах денариями, шекелями, пфеннигами. В России, при переводе Евангелия на старославянский язык, вместо исторического названия иудейской серебряной монеты было использовано по аналогии славянское слово «серебреник». Отчего и возникла недобрая связь между деньгами Иуды и первой в Киевской Руси серебряной монетой, которая и называлась «сребреник» или «серебреник». Серебреники чеканились в X–XI вв. из серебра арабских монет в Киеве Владимиром Святославовичем (978–1015 гг.) и Святополком (ок. 1015 г.), и в Новгороде Ярославом Мудрым (до 1015 г.). Кроме того, известны серебреники тмутараканского князя Олега-Михайлы (ок. 1070 г.)³⁶.

Семья с двумя маленькими детьми сняла на лето садовый домик у предприимчивого хозяина, который жил в большом бревенчатом доме с матерью, ветхой старушкой. Она всегда сидела на крыльце и тихо плакала. Снятый домик был слабый, покосившийся и еле держал на себе новую шиферную крышу. В комнатке только и поместились две кровати для мамы и старшей дочери и коляска для младшей дочери. Вытирая пыль со старинного шкафа, обрамлённого резным карнизом, мама зацепила тряпкой какую-то круглую металлическую бляху, которая оказалась неровной тёмной монетой с полустёртой надписью «денга 1754» и двуглавым орлом на обороте. Находка была много старше трухлявого шкафа, не говоря уже о дачной времянке, куда он был сослан по старости. Мама посмотрела в сторону хозяйского дома. Там на крыльце сидела маленькая старушка и плакала.

В начале XVIII в. в России началась массовая фабрикация фальшивой монеты. В этой связи был начат выпуск монет нового типа. Основную массу сырья для чеканки составили монеты прежних выпусков, изъятые из обращения. На копейках 20-рублевой стопы стали чеканить денги. Пе-

речеканка началась в 1730 г. и в основном была закончена к 1735 г. Однако по мере поступления старых кружков на монетные дворы часть монет ещё чеканилась вплоть до 1754 г. Денга, найденная на шкафу, – елизаветинская денга, 7,39 г – могла получиться, если под речеканку попадали медные копейки 1704–1718 гг. без предварительного гурчения³⁷. В последующие годы, чтобы предупредить злонамеренное обрезывание ценного металла в обращении, ребро монеты оформлялось, то есть монета получала гурт³⁸.

Древнерусское слово «денга», от которого произошло сегодняшнее слово «деньги», – восточного происхождения. В Индии серебряная монета называлась танка, в Греции данака, у татар – тенга. Но хотя название русской серебряной монеты, какой она чеканилась с конца XIV в., пришло с Востока, сама монета в отношении веса и способа изготовления ничего общего не имеет с восточными монетами³⁹. Также и серебряники Киевской Руси ничего общего не имеют с шекелями античной Иудеи.

Деньги шальные, бешенные, сумасшедшие, грязные, чистые, большие, мелкие... Деньги сваливаются на голову и тают. Мы вдыхаем воздух и выдыхаем его, а деньги текут сквозь наши пальцы. Мы вдыхаем деньги и выдыхаем их, а воздух течёт сквозь наши пальцы. Мы движемся в бесконечном кругообращении этой петли Мёбиуса и с навязчивой периодичностью встречаем на пути рубежное место грубой склейки. Место, где сыграли свою роль печально знаменитые тридцать... шекелей.

1998–2010

ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

Рождается человек, а человечком потом становится.
Как много одичавших людей ждут, чтобы их приручили.

Как мало действительно счастливых среди тех, кто идёт по вечернему городу. Счастливые всё больше прячутся.

В межсезонье со снегом и разливами воды наш город – бесхозная деревня. С самоотверженным отчаянием пытаются вытащить её из болота случайные цветные пятна. Окна на торце дома. Красное ровно горит. Жёлтому мала занавеска. Голубое под крышей, низкое, прозрачно загадочное. И ещё одно жёлтое в первом этаже. Никакое. Навстречу по пасмурной улице семенит щуплый негр. Не концентрированный, наполовину разбавленный. Несёт сложенный фиолетовый зонт, такой длинный и фиолетовый, что кажется, зонт пляжный. Я знаю этого негра. Он живёт здесь так давно, что не помню как.

В этом повествовании ничего не заканчивается и не начинается. Пребывает. Никакой завязки-развязки. Ничего не придумано. Негр меня не знает. Я с ним не здороваюсь. Ведь я тогда выступаю из фактуры, стану узнаваемой и больше не смогу подходить вплотную, куда-то идти рядом с ним, следить, что он делает, как себя ведёт.

Мне нравится эксплуатировать мою человеческую сущность.

Люблю, когда люди не знают, что за ними наблюдают, когда они, как звери на природе. Едешь с ними в метро. Стоишь на остановке троллейбуса. Слушаешь их разговоры. Читаешь их книги. Вдыхаешь дым их сигарет. Я не в сторо-

ну троллейбуса смотрю, а на ожидающих его, и по их движениям понимаю, что подходит мой номер.

Люблю быть невидимой, неузнанной, а при этом видеть и узнавать. Я всегда первая замечаю знакомого. И могу уйти в тень раньше, чем он меня заметит. Люди поглощены собой и невосприимчивы к скользящим взглядам.

А какие мужчины шли мне навстречу восьмого марта, не подозревая, что внимательные глаза с очень близкого расстояния пристрастно рассматривают их. Грузин с большим пакетом шампанского и вкусных продуктов, с большим букетом цветов в ломком блеске обёртки, – новые русские далеко не всегда русские. Юноша с тремя гвоздиками, ни во что не упакованными. Лысый толстяк с десятью букетами мимозы. Два бомжа, у каждого по ветке хризантемы, одна с зелёными цветами, другая с чернильно-лиловыми.

А бывает человек-вестник, похожий на знакомого. Едва встретится такой, жди, сейчас появится сам знакомый. Люблю разгадывать, в каких чертах заключено сходство. Ведь знакомый может быть похожим не только на своего сверстника, но и на человека другого возраста. Поймаешь суть сходства и можешь заглянуть в прошлое или будущее, угадав во встречной старухе черты племянницы или в попутчике-студенте черты старинного друга отца.

Люблю быть невидимой. Умею быть невидимой. Я слишком от всех отличаюсь, чтобы заботиться о том, как выделиться. Я владею невесомым взглядом, снимающим нерукотворные отпечатки со всего, на что он ложится. Главное, оставаться толпой – прохожими, покупателями, пассажирами, встречными, – всем, что прикасается, дышит в ухо, давит, толкает, огрызается, но не имеет конкретного лица и отношения. Безразличие – главный фактор толпы. Оставаясь внутри неё, я не персонифицирована, значит, скрыта за безликостью.

Для моего негра я – толпа. Как туман подхожу к нему вплотную, как ветер нажимаю ему на грудь, а он меня не видит, не замечает, не догадывается о моей страстной заинтересованности. Он только протирает запотевшие очки, запахивает пальто.

Да, пальто. Не помню его в другой одежде. Но не может же он ходить и летом в пальто. Значит, я или не видела его летом, или забыла летние встречи. Или он сросся в моём сознании с этим пальто, и по-другому я его не мыслю. Твёрдое серое жёсткое и ему велико. Он вытягивает тонкую шею, вздёргивая чёрную курчавую голову над окладистым воротником, крутит головой во все стороны, что-то высматривая. Иногда кажется, он способен вылезать через горловину и уходить, а пальто, как дом, стоит и ждёт, растопырив толстые руки.

Нет, надо начать с ботинок. Да и закончить ими. Отчего-то я однажды обратила внимание на его ботинки, и удивилась.

Я всегда встречаю его, когда меня куда-нибудь несёт. Обычно, домой. В подземном переходе у лестницы рослый здоровяк продавал пуховые носки, стоял у прилавка и вязал их тут же. В другом конце слышна была скрипка, звук тугой и кручёный, как натянутый канат. Небо на улице было глубокой берлинской лазури, а окна подъездов чуть голубее: неоновые лампы. Собаки лежали на газоне, свернувшись в тугие чёрно-рыжие калачики, как камни в японском саду. Пьяный качался и ронял плевки.

И в тот раз меня несло домой. Можно сказать, почти принесло. По дороге зашла в магазин. Купила еды, укладывала в сумку, тут он и шаркал мимо в большущих зимних сапогах, торопливо пробежал вдоль прилавков, заглядывая под них, нагибаясь, склёвывая пальцами валяющиеся там монеты. Сапоги сношенные, молнии разошлись, брюки сверху кое-как. Подхватил, что увидел, и также быстро вышел. Всего минута. И на другой день то же самое, то же склёвывание мелочи из-под прилавков, те же шаркающие сапоги.

Мы вёдем себя, как одеты. Мы плохо себя ведём.

Раньше я думала о нём лучше. Озадачилась. Бомжей и побирušек не интересно узнавать. Человеческий облик утратить легко, а вернуть невозможно. У всех бомжей одно лицо. Даже не лицо, а вышедший из употребления предмет. В их жизни уже нет тайн. Может, и были, но теперь нет. Тайны присущи индивидуальности. Вот мой негр никогда не сможет растратить индивидуальность.

И вдруг, спустя неделю, встречаемся в церковной лавке. В тот раз меня несло домой через церковную лавку, книжный отдел. Но ему-то что делать в церковной лавке! Впрочем, и я за много лет там в первый раз. Сразу гляжу на его ботинки. Новые. Коричневые. Остроносые. Сам начищенный. И даже пальто будто меньше, ладно сидит.

Разглядывала его через витрину лампад стеклянных и фарфоровых. Он изучал стеллаж с газетами, время от времени вытягивал шею и быстро оглядывался вокруг, чиркая глазами по витрине, по мне, бесцветной за цветными лампадами. Взял бесплатную газету и вышел.

У взглядов есть реальная тяжесть. Нельзя класть на человека тяжёлый открытый взгляд, обязательно будешь обнаружен. Даже если положить такой взгляд на страницу книги, которую читает попугайчик, он почувствует неестественную тяжесть в руках и захлопнет книгу.

Взгляд – открытая дверь в дом человека, он же – путь, которым можно проникнуть в дома других людей. Не надо шарить взглядом по лицам прохожих, кто-нибудь окажется нежеланным гостем в твоём же доме. Есть непроницаемые взгляды. Твёрдые, прямые, открыто утыкающиеся в цель, бесстрастно отражающие ответный взгляд. За ними скрыты очень сильные, полные решимости личности. С таким взглядом я не посмею приблизиться к моему человечку – узнает, запомнит и станет для меня потерян.

Острые когти взгляда должны успевать мгновенно прятаться в мягкие подушечки безразличия, чтобы не зацеплять того, за кем ведётся наблюдение, чтобы позволять его взгляду проходить по гладкой пустоте без тревожной подозрительности.

Опорой для изучающего взгляда я выбираю далёкую абстрактную цель, устремляясь к которой, взгляд неизбежно захватывает всё, находящееся в его поле зрения, и негра моего в том числе. При этом луч взгляда легонько постукивает по интересующему меня предмету то с одной стороны, то с другой. Так постукивают гибким прутом по стволу дерева. Касания неощутимы, но точно обрисовывают очертания, снимают отпечатки деталей.

А через два дня опять встретила с ним. Стоял на тротуаре, кого-то ждал, высматривая по верх голов. Шewe-

люра аккуратная, постригся. Я остановилась у витрины, осторожно кося в его сторону, запоминая по порядку. Щуплый, малорослый, с узкими покатыми плечами. Пальто мешковатое, ему большое. Рукава длинные, оттуда только чёрные пальцы перчаток. Руки немного торчат в стороны, как у туго одетого ребёнка. Когда идёт мелкими шажками, чуть переваливается. Ботинки остроносые, те же, что были в церковной лавке, приличные. Брюки чёрные, приличные. Шарф шерстяной в чёрно-жёлтую клетку, всё очень приличное.

Стоял. Крутил головой по-птичьи. В профиль верхняя губа короткая, нижняя выступает из-под верхней, безбородый подбородок выдвинут вперёд, затылок вытянут назад, поза выжидающе-высматривающая. Ищет, смотрит, озабочен. Будто что-то замышляет, но ещё не решился действовать. Брови вскинута, морщины лба повторяют рисунок бровей. Взгляд над очками. Очки большие.

Что-то увидел, устремился туда. Я покинула наблюдательный пост. Свернула за угол к троллейбусной остановке. А негр уж меня обгоняет, что-то бормочет себе под нос. И тоже к остановке. И всё высматривает, непонятно что. Вытягивает из шарфа шею, выдвигает подбородок, вскидывает брови и глаза. Зевнул, распахнул рот, выпуская облако пара, крутя головой с открытым ртом. Маленькое сморщенное лицо, на нём громадный зевок. Замахал рукой маршрутке, подбежал дробной трусцой, проворно вскарабкался и уехал, прикрыв дверь слабо, как женщина.

Больше я ничего о нём не узнаю. Сколько бы ни рассматривала. В следующий раз повторятся те же детали, ужимки, поступки. То же серое пальто. Пока я переживала это открытие, подошла цыганка с неподвижной куклой на перевязи. Голова куклы болталась, как у живого младенца. Подошёл троллейбус. Я села на троллейбус и уехала от цыганки.

Однажды я встретила моего человечка на этой остановке с русской женщиной, небольшой, взлохмаченной пеструшкой, по которой видно, что всех своих детей она уже давно родила. Подумала, мать. Потом передумала. Они переговаривались, как давно знакомые, которые уже ничем не удивляют друг друга. Слов было не разобрать.

Вот такие тараканы.

Забрезжила весна, и все заходили по улицам с удовольствием. Везде таяло, было промозгло. Солнце и небо осеннее, а народ гуляет по-летнему. Я была в центре города, в кассах концертного зала. Вышла на улицу и ничуть не удивилась, когда из метро появился мой негр, по своему обыкновению стреляя глазами, крутя головой, оглядываясь. В руке две коробки конфет, завёрнутые в газету. Пиджак бежевый, брюки чёрные, ботинки остроносые, начищенные, рубашка розовая. Навстречу ему попался очень чёрный негр, глянули друг на друга оценивающе и разошлись. Мой рядом с тем беленький. Я следила за ним до цветочного ларька. Он долго выбирал. Наконец, купил букет мелких оранжевых роз и ушёл в переулки.

Думаю, живёт один, где-то в нашем районе, недалеко от метро, в какой-нибудь из коммуналок. Комната узкая тёмная со стильным свечением окна. Я замышляла закончить ботинками. Думаю, в комнате у двери стоят хорошо вычищенные остроносые ботинки. Грязные зимние сапоги рядом в пакете.

Чем он живёт. С кем. Кем работает, такой, ни на кого не похожий. И откуда у него, такого чёрного в таком сером такой фиолетовый зонт? Среди толчеи всегда один, всегда кого-то высматривает. И ни разу никого не высмотрел.

Разве что меня.

2008

НЕПРОЧИТАННАЯ КНИГА БУДУЩЕГО

Если скажут: выбери одну книгу на всю оставшуюся жизнь, станет ясно, что какую книгу ни возьми, она будет и одинаково достаточна, и одинаково недостаточна. Поэтому можно взять любую книгу. Я возьму непрочитанную.

Спрашивается, как будут люди любить друг друга через, скажем, пятьдесят лет? Или через пятьсот?.. Точно так же, как и сегодня. Они будут испытывать те же чувства. В самой сути любви человека к человеку ничего не изменится. И также ничего не изменится в сути чтения, если рассматривать этот процесс широко, включая комфортное состояние, связанное с перелистыванием страниц пальцами, восприятием текста глазами – всем тем, что сопровождает чтение традиционной книги.

Да. Традиционная книга, с которой мы не хотим расставаться даже в будущем, куда нас против нашей воли вовлекают прогресс, время, мысль, грозя отнять и уже понемногу отнимая самое дорогое, самое привычное, без чего будущее начинает казаться скучным и ненужным. Нежеланным. Будущее говорит: «Да я все эти потери компенсирую с лихвой! Я тебе такое предложу взамен! У меня есть такие заготовки, закачаешься!» А человек твердит: «Но ты неизбежно отнимешь самое любимое. Ведь самое любимое, оно же и самое недолговечное. Я живу, потому что цепляюсь за любимое и привычное, а ты сначала отнимешь как раз его».

В чем более отдалённое будущее пытается проникнуть мыслью сегодняшний человек, тем больше оно отли-

чается от настоящего, тем меньше в нём того, что дорого сегодняшнему человеку и представляется ему добром; и тем больше в будущем такого, что сегодняшнему человеку не дорого и представляется ему откровенным злом. И выходит, самое отдалённое будущее – это уже сплошное зло, с точки зрения сегодняшнего человека. И он – этот добропорядочный обыватель – на самом деле не особенно стремится в будущее. Даже из любопытства не стремится, тем более – в отдалённое будущее, которое предназначено и приспособлено для других людей, не для него. И он так не хочет в то чужое будущее, что однажды не доживает до него, освобождая и себя, и будущее от этой неразрешимой проблемы. Каждый человек бессознательно не расположен к бессмертию и, в итоге, соглашается со смертью, потому что она оставляет его в привычном для него времени, с атрибутами, несущими приметы этого времени. Традиционная книга – один из них. Она отражает стабильность и устойчивость, на отрицание которых в первую очередь направлены все усилия будущего.

Всякая традиционная книга – распутница. Она мечтает быть зачитанной, замусоленной, захватанной, захапанной, растерзанной. Она жаждет прикосновений трепещущих пальцев, она мечтает об энергичных пометках на полях, о вымоченных слезами страницах, о непристойно заломленных уголках, о рассыпающемся в изнеможении переплётке. Книга мечтает о том же, о чём мечтает человек: постареть не от времени, а от впечатлений и страстей, от такого трения о других людей, при котором рождается жаркий огонь. Человек хочет прожить жизнь реально, и даже маленькое реальное событие, даже только мечта вдохновляют его сильнее, чем погружение в разнообразие виртуальных возможностей. И всякая книга хочет быть прочитанной реально, а не виртуально. И всякая новая, только что изданная книга тайно мечтает о прикосновении чьих-то пальцев, наэлектризованных желанием листать и комкать. И чем дольше стоит она на полке в своей первозданной красоте и свежести, тем большее отчаяние охватывает её.

Однако в будущем не обойтись только такой книгой. Она, конечно, уступит первенство другой книге, но, хочется верить, не исчезнет вовсе. В будущем должны быть два совсем не похожих один на другой типа книги: «Книга для удовольствия» и «Книга для получения информации». Какую бы форму ни получали книги для удовольствия, среди них непременно сохранится и традиционная книга, которую читают глазами при хорошем освещении, в которой всё стабильно. Она должна быть свободно изготавливаема или самим человеком, или по его индивидуальному заказу на специальном оборудовании. И уже никто не будет зависеть от рынка, от прихоти издателя, от своих собственных требований к книге. Эти проблемы будут сняты одним мановением волшебной палочки.

Механизация, автоматизация, компьютеризация и любая другая ...изация чтения – все это уже было, было, было и будет. Всё делается для поглощения определённого количества мегабайт информации. Книга для получения информации уже есть, и чем дальше, тем больше она будет уходить от традиционного образа книги.

Если книга предназначена только для получения или хранения нужной информации, ей вовсе не нужно быть традиционной. Восприятие текста глазами крайне медленно. Это, пожалуй, самый медленный способ получения информации. Медленнее, разве что, чтение на ощупь. Будущее не потерпит такой медлительности. Книга для получения информации должна иметь возможность входить в сознание не через глаза, а через слух, или как магнитная волна, или прямо поступать в мозг в виде законченной ячейки, несущей исчерпывающее знание. Тут возможен любой поворот: таблетка за щёку, вкладываемый в ухо приёмник, вставляемый в голову сменный блок или наклепываемый на лоб пластырь. Налепил пластырь и стартовал гулять по Вселенной. А в корабельной аптечке сотни тысяч таких пластырей.

Но Книга для чтения – это не информация, это – любовь, высокое чувство. Это – погружение, требующее времени, неторопливости, неизменности. Верности! Как не изменился человек с ледникового периода, так и букет данных

ему чувств остаётся неувядаемым. На чувства не распространяется способность человека всё унифицировать и усовершенствовать. То, что касается чувств, никогда не изменится. Это обнадеживает и делает будущее не таким суровым, каким оно нам кажется. Наряду со злом, которое оно несёт, в будущем остаются любовь и добро, традиция, память и Книга для удовольствия.

Поэтому я всегда хочу иметь возможность взять в руки симпатичную мне традиционную книгу в кожаном переплёте, на хорошей бумаге, с красивыми картинками. Спокойную книгу, которая способна ждать моего возвращения к ней сотни лет, оставаясь открытой на той странице, где я отвлеклась от чтения, нажав на кнопку и переместившись в другую галактику, в другое измерение.

1999

ТАЛАНТ И РЕМЕСЛО

ГРАММ-ГРАДУС-КОПЕЙКА

Если хочешь, чтобы вокруг тебя было свободно, надо идти в сторону, противоположную той, куда устремляется толпа.

Толпа состоит из людей, каждый из которых уверен в своей неповторимости. Никто не видит себя частицей толпы, но отчего-то оказывается ею. Да, каждый неповторим, но у очень многих черты индивидуальной неповторимости уступают чертам, общим для большинства, неким качествам характера, присущим всем, но не над всеми берущим верх. Эти качества суммируются в одно, тяготеющее к понятию «правильность» в буквальном смысле этого слова. То есть доминирующими качествами человека толпы являются неоспоримые достоинства.

Правильных людей отличает практичность, собранность, предсказуемость, исполнительность, дисциплинированность. Им свойственна обоснованность поступков и привычек. Они законопослушны, хорошо обучаемы, ход их рассуждений логичен. Они не сомневаются, что терпение и труд всё перетрут; что расти, казак, атаманом будешь; что семь раз отмерь, один раз отрежь. Они убежденно и последовательно выражают общественное мнение. И если поинтересоваться, что будет, если их мнение не совпадёт с общественным, убежденно отвечают: «Совпадёт. Общественное мнение объективно, оно ближе всего к истине. Кто станет отрицать истину?»

Общество поощряет правильного человека, который ждёт поощрения за то, что убежденно держится в русле и плывёт по течению. Правильным быть выгодно, тем более,

когда нет причин быть неправильным. Выгодно оставаться в союзе с рационалистическим принципом «грамм-градус-копейка», точно выражающим соотношение между благополучием и средствами, которыми оно достигается.

Рационализм всё подчиняет выгоде, сознательно или инстинктивно отторгая то, что не несёт выгоду. Рационализм – принцип существования правильного человека, настроенного на потребление, а если что-то и производящего, то ради того, чтобы потреблять. Если бы можно было потреблять, ничего не производя, большинство людей ничего бы не производили. Это очень-очень важный момент, важнейшая характеристика человека толпы. Рациональное – это практичное, утилитарное, экономичное, гигиеничное, то есть, правильное, разумное, отвечающее здравому смыслу, допускающее только объективное, проверенное, общепринятое, освобождённое от всех субъективных черт. На пути служения рационализму происходит последовательное обезличивание, как объекта, процесса, так и характера.

Камуфляж, обеспечивающий сходство со всеми элементами среды обитания, шапка-невидимка, скрывающая под собой её обладателя, – рационализм. Он поглощает отличия или, скорее, делает их несущественными. В итоге неоспоримые достоинства, основой которых являются практичность и рационализм, низводят разнообразных людей до серости толпы, до однородной взвеси, наэлектризованной принципом «грамм-градус-копейка».

Но есть единицы, которые ни при каких обстоятельствах не становятся частицами толпы. Их смело можно назвать яркими индивидуальностями. Логично заключить, что люди, не вписывающиеся в толпу, должны обладать неоспоримыми недостатками – непрактичностью и иррационализмом и что индивидуальностями являются нарушители порядка, способные выйти из колес или плыть против течения.

Но это не так. То есть так, да не так. Ведь речь идёт не об отсутствии общих черт, а о соотношении в характере человека общих и индивидуальных черт. В характере яркой индивидуальности есть те же неоспоримые достоинства, что

и у человека толпы, но индивидуальные черты преобладают. И дело здесь не в наличии таланта, удачливости, благоприятных стартовых условиях, а в определении жизненной цели. Если для правильных людей главной жизненной целью является потребление – обеспечение личного благополучия и благосостояния, то у неправильных людей цель – созидание.

Потребители и созидатели.

Последние тоже стремятся к личному благополучию и благосостоянию, но это не конечная их цель. Конечной же является некое достижение, произведение, ради которого нерационально, вне связи с прямой выгодой расходуются душевные и физические силы, время, средства. Достижение этой цели требует или необоснованно большего количества времени и усилий, чем необходимо тратить по здравому смыслу, или же, наоборот, подозрительно мало по сравнению с тем, сколько затрачивает на то же самое правильный человек. Основной принцип «грамм-градус-копейка» здесь не работает, приводя в отчаяние, а иногда и в бешенство толпу, которая не способна отказаться от грамма-градуса и, в особенности, от копейки.

Иррационализм и непрактичность могут быть и разрушительны, и созидательны для общества, но в первую очередь всегда создают неудобства тому, кто этими чертами отмечен. Неправильные люди переворачивают с ног на голову постулаты правильных людей и утверждают, что терпение и труд не всё перетрут, что атаман, как ни крути, казачком будет, и один раз отмерь, семь раз отрежь.

Папа тебя любит, а ты его бесишь!

Лучше бы делом занялся, как все нормальные люди.

Нормально жить – это и есть: хорошо жить.

Нормальный человек считает делом работу, которая приносит доход или как-то ещё служит упрочению благополучия. Нормальный, правильный человек работает, чтобы жить. А неправильный живёт, чтобы работать. К этому толкает увлечённость – такое шило в зад. В способности самозабвенно увлекаться всегда существует большая доля иррациональности – желания что-то совершать вне зависимости от выгоды и коммерческого успеха.

Коммерческий успех – забота потребителя, который всё переводит в доходы, в качество, выраженное звонкой монетой. Он хочет потреблять продукт, имеющий гарантированное качество, критерий которого один – реальная цена созданного. Если созданное ничего не стоит, если оно не пользуется массовым спросом, значит, это некачественный продукт. Потребитель сильно сомневается в таланте и способностях создателя, если тот не имеет коммерческого успеха. «Лучше бы делом занялся!» – рекомендация, не лишённая основания.

Потребитель последовательно тратит свой природный ум на то, чтобы окончательно отупеть. Философия всеядности трактует принцип рационализма: минимизация усилий при максимуме оплаты; стремление уйти от личной ответственности; паразитирование на чужом труде, симпатии, интересах; приоритет развлечениям и удовольствиям; накопительство материальных благ.

Всегда нужно то, чего нет. Что есть, то уже не так нужно. Жизнь учит, что даже самое дорогостоящее того не стоит.

Потреблять можно не только материальные блага, но и интеллектуальную продукцию, и результаты творчества художников, музыкантов, писателей и других создателей. Это называется приобщаться к культуре. Однако потребитель не учитывает, что культурная жизнь – не только потребление духовных ценностей, но и ответ на них, который заключается в духовном совершенствовании собственной личности, фактически – в её созидании. Духовная жизнь невозможна без созидания.

Всякое потребление массово. И материальное, и духовное. В потреблении нивелируются индивидуальности. Результат потребления тоже одинаков. И хотя каждый человек неповторим, подняться над толпой потребителей можно только путём созидания. Только в созидании проявляется индивидуальность. Созидание – это вообще единственный способ проявить индивидуальность.

Каждый создатель – потребитель. Но не каждый потребитель – создатель.

Достойны сочувствия те, кто добывает деньги на жизнь, ничего не созидая.

Человек, который хорошо работает только за деньги, – плохо работает.

Надо избегать дел, которые делаешь, чтобы отделаться.

Трогательны дети, вдохновенно занятые бескорыстным созиданием. Любой ребёнок – яркая индивидуальность. Из детей невозможно сделать толпу, пока они не будут подключены к какому-либо источнику потребления, и корыстные интересы не превратят их в потребителей, плывущих по течению. А плыть по течению – это рассчитывать, что тебя будут вытаскивать другие, те, кто умеет с течением бороться.

2010

НЕХОЖЕННЫЕ ТРОПЫ

Гению нужно время, чтобы научиться жить среди людей.

Новая культура возникает, когда на её небосводе появляется творческая личность автора, несущая новый уникальный опыт.

Этому явлению предшествует страстная стихийная потребность общества в открытии, отрицающем привычные формы и приёмы, обезличенные бесчисленными анонимными интерпретациями, – потребность ещё не осознанная, но терзающая неудовлетворённостью.

Личность заявляет о начале новой эры, берёт на себя ответственность за новое слово и смело отстаивает его перед шокированной толпой, взрывая устоявшиеся представления. На такой революционный рывок способен только талант, заряженный уверенностью в себе, прозревающий будущее острым взглядом божьего дара.

У новой культуры лицо её создателя, её героя – автора – творческой личности, таланта, гения. У новой культуры всегда есть звучное имя – имя автора. Его отчётливая роспись надрывает угол ещё свежего полотна. Даже автор, имя которого утрачено в веках, остаётся уникальной личностью, ознаменовавшей начало новой культуры, и его именем становится имя его уцелевшего произведения.

Основа будущего – созидание, жажда открытий, поиск новых решений.

Талант созидателен. Он создаёт упорно и неуклонно. Чем больше ищет, тем больше находит и тем сильнее стремится вперёд.

Талант прозорлив и проницателен. Он глядит в себя, разрабатывает себя, опираясь на острое творческое чутьё, усиленное полученным знанием о предмете.

Талант создаёт только уникальное.

Талант служит только искусству – способности отражать в уникальной устойчивой форме своё восприятие окружающего мира. Нерасчётливая искренность таланта – это бесценная духовная составляющая истинного произведения искусства, которое единично, первично, создано вне прямой связи с коммерческим интересом.

Талант служит истине.

Талант свято хранит главный закон искусства – свободу высказываться. Вопреки рациональным доводам, выгоде, иногда и здравому смыслу что-то иррациональное подталкивает автора к созданию чего-то индивидуального, неожиданного. Зовёт пройти нехоженой тропой.

Талант – интуиция и инициатива.

Талант – подарок, его нельзя и невозможно передарить, способность, полученная совершенно незаслуженно, которой человек может распорядиться по своему усмотрению или которая сама распорядится человеком – вознесёт до величия или погубит. А человек может зарыть талант в землю.

Лень – критерий истинного отношения к делу.

Мастерство – мерило произведения искусства.

Трудолюбие – фундамент мастерства или, иными словами, профессионализма.

Талант за счёт трудолюбия возвышается до вершин мастерства.

Произведения таланта – произведения искусства.

Произведения ремесла – рукоделие.

Все хотят быть талантливыми, гениальными. Но за гениальность приходится расплачиваться и жизнью, и смертью...

Наступая таланту на пятки, ему в спину тяжело дышат те, кто готов повторить его рывок, его процесс созидания – те, кто умеет с большей или меньшей виртуозностью снять слепок с уникального произведения искусства.

Они во всех деталях видят свою конечную цель. У них много времени, так как его не приходится затрачивать на

поиск образа, выразительности, идеи. У них много сил, и эти силы уже не приходится затрачивать на выбор соотношений и форм. Все эти затраты понёс талант. Преследователи создают качественные копии, которые тоже могут быть расценены как произведения искусства, но уже другого характера. В копиях отсутствует та невидимая духовная составляющая, которая отличает первоисточник. Кроме того, создание копий находится в жёсткой связи с коммерческим интересом.

Преследователи настигают и затапывают, плодя повторения любого достоинства, которые идут нарасхват. Но едва новый опыт превратился в объект потребления, начинается быстрое обезличивание результатов этого процесса.

Главным достоинством копии является максимальное соответствие оригиналу, что требует от её изготовителя ремесленного умения, профессионализма.

Ремесло – умение, полученное с опытом. Здесь действуют человеческие приоритеты; играют роль возраст, года учёбы, количество и качество выполненных работ. Опыт – не вещь, не имущество, а преимущество. Это умение, приобретаемое поступательно: от неумения к ремесленничеству и далее к мастерству, потом к ещё более высокому мастерству, а потом к ещё более высокому.

Ремесло прямолинейно, логично, объяснимо. Всё выполненное только по законам ремесла, обязательно на что-то похоже.

И только таланту делается исключение. Он является молодой, вихрастый, нахальный, нигде не учившийся, ничего не сделавший, но отчего-то уже всё понимающий, чувствующий, предвидящий. Соперники отступают, разводя руками, говоря с восхищением: «Талант!» или с яростью: «Почему он, а не я?!»

Талант может проявиться и заявить о себе даже без приобщения к ремеслу. Но он нуждается в ремесленных навыках, они – средство к совершенствованию таланта.

Талантом рождаются.

Ремесленником не рождаются, а становятся.

Талантливый человек знает, талант – не его заслуга, этим нечего гордиться. Заслугой является только высокий ремесленный профессионализм – мастерство. Таланту стран-

но, когда его хвалят за то, что он талант, как если бы его хвалили за то, что он дышит. Да, дышит... может, и хорошо... Но он не может не дышать, вот в чём дело! Дыхание – его естественное состояние и не является его достижением.

Талант знает, что он талант. Играть в скромность, притворяться, что никакого таланта нет, так же неприлично и бесполезно, как и притворяться, что талант есть. Талант невозможно скрыть. Он проявляется во всём даже тогда, когда человек ещё не догадывается о своём даре и не знает, что именно это и есть талант.

Талант – большое преимущество, как и другие выдающиеся человеческие черты. Однако не всякий способен реализовать данное преимущество, и тогда талант не достигает мастерства. А какой-нибудь ремесленник, не имеющий чутья и особых способностей, достигает, потому что его преимущество – опыт, его выдающаяся черта – трудолюбие, большая работоспособность.

Работоспособность – достойная компенсация отсутствия таланта.

Ремесло продуктивно. Его поле деятельности огромно – это всё, что уже известно человечеству в данном деле, доступно для освоения и усовершенствования. Главная задача ремесла – воспроизводство того, на что есть спрос, а это хорошо совместимо с предприимчивостью. Коммерческий успех не означает, что автор талантлив, но подтверждает профессиональный уровень его продукции. Профессионально выполнять свою работу может даже такой человек, который не любит эту работу, но хочет славы и высоких гонораров. И он хочет этого по праву. И часто получает то, что хочет. И считает, что успех – признак таланта, полагая, что талант – ярлык, который автоматически добавляется к коммерческому успеху.

Талант и ремесло тяготеют друг к другу, смыкаясь в том, что для них общее – в мастерстве. Как и талант, при условии трудолюбия и работоспособности, ремесло может возвыситься до высокого мастерства. Мастерство хранится в наработанных приёмах, домашних заготовках. Рука мастера имеет навык точного движения и помнит, что делать, даже когда мастер этого не помнит. Мастерство не пропьёшь.

Мастерство каменщика, мастерство художника, мастерство певца, мастерство писателя... Отсюда произрастает глубоко ошибочное мнение, что талант – высшая степень ремесленничества. Восхищаясь мастерством рук человеческих, ценитель упускает из виду главное отличие: ремесло всегда на полкорпуса сзади, оно только повторяет то, что создал талант.

Талант раньше ремесла.

Именно талант создал архивы ремесла. Все шаблоны и лекала, которые хранятся в этих архивах, однажды были созданы впервые. Ещё не было никаких навыков, никакого опыта, а в душах диких людей уже бродили дрожжи таланта.

Количество изученных приёмов никогда не переродится в новое качество. Иначе бы гениями становились только старые старики. Но история длинным костлявым пальцем указывает на нежных детей, на розовых юношей, которые, имея лишь базовые понятия о предмете, уже создавали гениальные произведения. Потому что даже самая малость ремесленных навыков, доступная детям, побуждала их талант к созиданию.

Талант не только в руках. Создание нового не может происходить без движения ума, без работы мысли. Да, мастерство каменщика, мастерство художника, мастерство певца, мастерство писателя... Но не скажешь: мастерство учёного. Скажешь: талант учёного. Между талантом и умом прямая действенная связь, которая позволяет создавать новое на основе накопленного опыта, продлевать общеизвестные постулаты до внезапных открытий.

Талант в голове. Его и теряют вместе с головой. Работоспособный талант раскрывается до масштабов гения.

Мастерство в руках. Его и теряют вместе с руками. Работоспособный ремесленник способен вырасти в большого мастера.

Ремесло зорко следит за тем, что принято делать и что не принято. Если кто-то выходит за границы принятого, на нём ставят клеймо недоучки, невежды, не знающего твёрдых правил и потому выпадающего из колен. Краеугольный камень ремесленного профессионализма – эрудиция, позволяющая свободно пользоваться имеющимся знанием, ком-

бинировать, манипулировать им, работать с ним, как с набором детских кубиков. Ремесло уверено: если опираться на общеизвестное и общепринятое, соблюдать порядок – пропорции, симметрию, классические абсолютные формы, верные размеры, точные рифмы – не ошибёшься и создашь высокопрофессиональное произведение.

Ремесло создаёт гармонию на основе соблюдения порядка.

Но только талант может создать гармонию на основе нарушения порядка.

Эрудиция, накопленные знания – для таланта не самоцель, а средство продвинуться дальше, выше. Талант не строит из кубиков бесконечное разнообразие возможных форм, а составляет из них фундамент, поднявшись на который, способен разглядеть в туманных даях очертания нового.

В ремесле неравенство способностей можно победить работой и учёбой. Для хорошего ремесленника естественно и обязательно желать завладеть тайнами, которыми владеет другой ремесленник. Тайна заваривания чая... Тайна изготовления стойких изразцов, не разрушающихся от перепадов температуры... Секреты, переходящие от отца к сыну... Ремесло по-хорошему всеядно, жадно до своих и до чужих секретов. Ремесло вполне сравнимо с другим ремеслом.

Победить неравенство в талантах невозможно. Таланты несравнимы.

Талант самодостаточен. Любой талант самодостаточен и не способен завидовать другому таланту. Эта зависть так же нелепа и отвратительна, как желание стать другим человеком. Неестественно желать стать другим, отказавшись от самого себя. Если в мастере есть зависть к другому мастеру – это верный признак отсутствия таланта. Вот ещё один способ идентифицировать талант. Всё решается тихо, на индивидуальном уровне. Не нужно ждать ничего профессионального мнения.

Никакое мастерство, никакое ремесло, какими бы виртуозными они ни были, никогда гения не создадут. Это всего лишь утешительная гуманитарная идея, что талант – высокое ремесло. Идея эта неистребима, но она сразу показы-

вает, что её приверженцы не знают, что такое талант, раз считают, что упорная работа – единственный путь рождения таланта. Ремесленник ни за что не согласится с тем, что он не талант. Ремесленник всегда с пеной у рта будет доказывать, что талант – это закономерный итог большого труда. Упорного, самоотверженного, честного.

Он неправ. Однако для непосвящённых в тайны искусства его голос убедителен, плоды его труда добротны, предприимчивость оправдана востребованностью, а благополучие закономерно.

Рядом с ним талант неубедителен, он делает не то, что все, произведения таланта странны и очень далеко отстоят от всего, что общепризнано, его коммерческая беспомощность вызывает недоумение, его невостребованность – жалость, его неблагополучие в глазах ремесленников воспринимается как закономерность. Рядом с ними талант – самый последний, неумелый и сумасшедший из ремесленников.

Талант затерян в среде, где наперебой расхватываются заказы, где трудолюбиво и мастерски тиражируется всё, что хоть как-то отвечает растущему аппетиту массовой культуры. В мутной воде коммерциализации достоинство произведения искусства утверждается только его пригодностью к тиражированию. Индивидуальность и духовность, авторство и ответственность никого не интересуют. На этом фоне дико звучит вопль таланта: «Ничего не хочу делать, чего можно наделать тьму-тьмущую!»

Но массовая культура не искусство. Массовое не может одновременно быть уникальным. Там, где культура опускается до массовости, начинается её гибель.

Культуры начинают угасать, едва начинают тиражировать свои достижения, и на поверхность выходят не творцы, отвечающие за своё авторство, за уникальность каждого своего детища, а безымянные ремесленники, способные продуцировать уже существующее. Культура в целом всегда умирает в этом самом месте, но умирает так медленно и пышно, что никому и в голову не приходит, что это царственное шествие и есть смерть.

Но культура гибнет не только от превращения произведений искусства в продукт производства. Истинные при-

чины её гибели глубже, они – в той лёгкости, с которой происходит потребление культурного продукта. Ведь восприятие произведений искусства – это большая интеллектуальная работа. Но предлагаемые образцы продукта потребляются и перевариваются потребителем без всякого усилия.

Культура гибнет, когда всё превращается в неизбежную банальность, в тиражирование одного и того же, неважно, ужасного или прекрасного, когда и созидание, и восприятие созданного теряют индивидуальность, лишаются авторства, и эта задача перекладывается на анонимных посредников.

Но среди оргии массовости, в апокалипсисе бескультурия новый талант вдруг прозревает новую идею и с неутомимым возвышенным дилетантизмом устремляется к ней, оставляя далеко позади застой ремесленного профессионализма. Он идёт нехоженными тропами, угадывая их своим острым чутьём, утверждая их своими молодыми ногами, увлекаемая за собой отчаянных смельчаков. И ему нет дела до того, что в это самое время возникает новая культура.

1999

*ВОЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ
О САЛЬВАДОРЕ ДАЛИ*

Для гения весь мир – подручный материал. Гений то же, что и бог. Он не видит в своих созидательных и экспериментальных действиях зла, как и бог. Он ничем не ограничен.

Сальвадор Дали. Загадочный художник. Непререкаемый лидер своего времени, сначала преодолевший общественное мнение, а потом создавший его заново. Кумир многих и многих, околдованных невиданной силы личностью, её надменным вызовом всему и всем. Восхищает специфическая манера письма. Завораживают образы, рождённые неудержимым воображением.

Манипулируя формой, Дали построил мир незыблемый и убедительный. И далеко не сразу стало ясно, что это бутафорский мир абсолютных пустот и чёрных дыр, заслонённых кривыми зеркалами, где отражается до неузнаваемости искажённая обыденность. В ледяной пустоте за зеркалами лишь сквозящий ветер издевательского безразличия. Там нет даже того бесформенного ужаса, который поджидает человека в неизвестности. Мир Дали бездуховен. Автор сознательно лишил его души, создал без любви, без ненависти, без какого-либо человеческого чувства.

Искусство Дали – аттракцион с картонными горами, пластмассовыми чудовищами, резиновой едой, слащавой красотой. Отрицается всё, кроме оболочек, блуждающих в фантазмагорическом мире. В автобиографии художник рассказывает, как механически черпал формы и образы из снов, создав систему мучительных пробуждений, чтобы из ключев искусственно разорванного сна не пропал ни один. Его откровенность вызывает уважение. Техническое исполнение ра-

бот, ювелирная скрупулёзность отделки деталей указывают на беспримерную работоспособность, на высочайшее качество, за которое мастер отвечает головой в первую очередь перед самим собой.

Дали занят только формой. Содержание достигает запредельной степени абстракции, практически ничем не ограничивая эксперимент с формой. Зритель ищет в картинах Дали смысл и, не в силах его постичь, считает, что философская идея слишком сложна для понимания. Зритель возвышенно озадачен. Он преклоняется перед великим художником, который вложил в произведение мысль такой силы, что она непостижима, недоступна простым смертным.

Но мысль может быть непостижима в двух случаях: если она глубока и если её нет. У Дали её нет. Он этого и не скрывает. Более того, он открыто насмехается над теми, кто, не веря в обман, продолжает её искать. Здесь главный трюк аттракциона. Люди по простоте душевной привыкли искать за формой содержание, и если содержания нет, они придумывают его, пускаясь в философствования космического масштаба. Дали с непревзойдённым изяществом обманывает дважды: в первый раз, когда ничего не вкладывает в свои тщательно написанные полотна, а второй раз, когда вынуждает доверчивого зрителя работать за него – впихивать в причудливую оболочку собственное содержание.

Дали – основоположник сегодняшнего концептуализма, искусства инсталляции, предлагаемой зрителю для упражнения в догадливости. Однако задача концептуализма – скандал, выпад, обеспеченный по возможности минимальными средствами. Дали же бросает вызов с высоты ослепительного мастерства. До него мало кто догадывался, что можно ограничиться изобретением свободной формы и поручить другим заполнять её содержанием по своему произволу. Он создал невиданный парк моделей, где интеллект озадаченного зрителя силится одолеть и оправдать случайность прихотливых форм, выполненных с непревзойдённой филигранностью, с ответственностью, на которую способен только величайший художник. Но гениальность – это и крест, на котором распята частная жизнь.

ОТКРЫТИЕ

Е. Шевченко

ОТКРЫТИЕ – удивительное явление. Его главная черта – внезапность. Его питательная среда – удовлетворённое и самодовольное состояние человека, полностью уверенного в понимании исследуемого вопроса, человека, которому всё в этом вопросе очевидно, всё доступно.

И вдруг, словно прозрение! И неопишуемая радость от восхищения внятностью и простотой! Да, открытие случайно, внезапно для читателя, поэтому так ошеломительно. Но читатель никогда бы не сделал его, если бы не замысел писателя. Это можно назвать идеей, изюминкой, замковым камнем, – как угодно, – но именно отсюда стремительно и безошибочно разворачивается понимание того, что ХОТЕЛ СКАЗАТЬ автор, а не того, что им написано.

Такое открытие настигло меня, когда я задумалась над отрывком из произведения Юрия Олеши, в котором рассказывалось о чувствах тринадцатилетнего мальчика, оказавшегося на балу, где царила очаровательная двенадцатилетняя девочка. Ключевым словом отрывка было слово «зависть», именно так мальчик определил своё отношение к девочке на балу. Под влиянием этого сильного чувства он поколотил противную девочку.

Размышляя об отрывке, я мучилась каким-то подспудным несоответствием в нём. Принялась анализировать и построила логическую последовательность, результатом которой стало открытие.

Итак:

– тринадцатилетний мальчик-кадет, привыкший к лидерству среди мальчиков, всегда первый в спорте и борь-

бе, позавидовал двенадцатилетней девочке, которая первенствовала на балу;

– первенство девочка завоевала живостью и прелестью;

– ни один мальчик не мог и не пожелал бы в этом соперничать с ней, и герой рассказа тоже;

– то есть по рассказу, данный мальчик обречён был уступить девочке первенство;

– следовательно, чувство, которое мальчик называет завистью, относится не к прелести девочки, а к первенству девочки, легко достигнутому ею и признанному всеми;

– мальчик вынужден вместе со всеми признать лидерство девочки, против чего восстаёт;

– под влиянием сильнейшего стихийного протеста, мальчик подстерегает девочку в коридоре, бьёт её, рвёт её платье, царапает ей лицо – пытается отнять у неё те качества, которыми она завоевала первенство;

– и вот здесь ключевой момент: мальчик вместе со всеми признаёт первенство девочки, но только он один восстаёт против её первенства – этим отличается его отношение к девочке от отношения к ней всех прочих гостей на балу;

– мальчик чувствует, что первенство девочки несёт угрозу его независимости;

– два главных героя – мальчик и девочка – окружены массовой, статистами – людьми на балу, настойчиво заслоняющими истинную картину происходящего, путающими карты;

– если убрать всех и оставить в пустом зале розовую, нестерпимо очаровательную девочку и сердитого мальчика, до которого ей нет никакого дела, то его отношение к ней легко определить как влюблённость.

Влюблённость! А не зависть.

Это с самого начала прекрасно понимает автор рассказа, но сам мальчик этого не понимает, он страдает из-за красивой девочки, восхищающей всех, и не может объяснить свои муки ничем другим, как завистью.

В рассказе мастерски построена интрига: одним преднамеренно ложным словом – «завистью» – читатель отправлен по ложному пути, и только в конце повествования, окон-

чательно заблудившись, вдруг выходит к началу и видит истинное значение происшедшего на балу: чувство зависти, названное так неопытным мальчиком, оказывается чувством влюблённости, нарочно не названным опытным писателем.

Автор великолепно продемонстрировал, как можно нарисовать огонь без красной краски, как можно написать о любви без единого намёка на это чувство и на это слово, и тонко использовал в рассказе два важнейшие принципа:

1-й – все факты и оценки, которые приводит автор от своего лица, должны быть абсолютно верными и точными, автор – бог, он не имеет права ошибаться, но его герои имеют это право;

2-й – неоднозначность, многослойность описываемой картины, когда из всех слоёв автор сначала показывает читателю лишь один, но в какой-то момент поднимает читателя над уровнем героев, давая прозреть все слои и охватить сознанием истинный смысл задуманного.

Настоящий писатель думает не о том, как написать красиво, – он думает. Он постепенно подводит читателя к сути – идее – изюминке – замковому камню своего замысла, и тогда читатель делает ОТКРЫТИЕ, которое становится для него сильнейшим впечатлением, дорогим подарком от автора.

2007

ТЕАТР ВОЗДУХА

Стиль создаётся индивидуальностью.

Индивидуальность современна. Индивидуальность – это талант. У кого-то он есть, а у кого-то нет. Это абсолютно. Это данность. У других вот голубые глаза. А у нас нет. И раз уж рождены с карими, таковыми и останемся. Так и талант. Роковая ошибка многих и многих в том, что они этого не понимают или не хотят понимать. Тогда как именно с этих позиций легко определить, чему в творческих профессиях можно научить, а чему нет. Что можно обещать желающим стать, например, писателями, а что не добывается никакой учёбой. Обещать сделать человека талантливым писателем, по меньшей мере, безответственно. Обещать можно и нужно только обучить ремеслу. И уже это очень немало.

Освоение литературного ремесла даёт возможность стать писателем каждому, кто хочет сделать это занятие профессией или статьёй дохода. Писательский труд ничуть не хуже любой другой работы. Книга такой же предмет быта, как и кастрюля или диван. Она тоже должна быть выполнена добротнo, на достойном профессиональном уровне. Многие профессии требуют умения грамотно и внятно писать. Педагоги, искусствоведы, критики, журналисты используют писательское ремесло для изложения материала. У искусствоведов есть желание писать красиво. У журналистов – бойко. У критиков – остро. Используются готовые формы, общепринятые образцы.

У настоящего писателя кроме общих ремесленных навыков есть свои приёмы, свои секреты. Но даже если он поделится ими с начинающими, они не всегда смогут вос-

пользоваться подсказкой. Можно открыть метод, приём, но нельзя стимулировать то взволнованное творческое состояние, которое именуется вдохновением. Не надо думать, что вдохновение – такая неутолимая жажда писать, такой приступ, когда невозможно остановиться, и человек пишет до изнеможения и сплошь гениальное. Нет. Вдохновение – это неожиданное открытие, внезапное озарение, догадка, которая является вдруг и восхищает отчётливостью и простотой. Как, откуда? Какими механизмами мышления она вызвана? Непонятно. Но ни с того ни с сего раскрываются перспективы, от которых захватывает дух, и писатель спешит вложить их в слова, в краски и заканчивает работу, только удостоверившись, что поймал догадку и верно передал. Тогда уж валится без сил.

Очень просто. Едва явилась неожиданная догадка, работай, и удача с тобой. Но как сделать, чтобы догадки являлись? Хоть одна? Никак не сделать. К одним приходит вдохновение, к другим нет. И единственное условие, при котором догадка может явиться, это когда автор напряжённо ищет не любое профессиональное решение, а то единственное, которое, по его понятиям, ближе всего к совершенству.

Писатель очень трепетно относится к критике. Ему ужасно интересно, что плохого могут сказать про его прекрасные вещи?! И когда-таки говорят, переживает стихийную обиду, злится и не может работать. Но едва обида угасает, его захлёстывают чувства стыда, досады и благодарности. Стыда – за недостаточное владение ремеслом. Досады – что допустил такие явные огрехи. Благодарности – что его таланту дан хороший пинок, и за счёт этой даровой механической силы он стремительно летит вперёд и вверх к совершенству. Настоящий писатель всегда сможет извлечь из критики рациональное зерно самосовершенствования.

С большой вероятностью можно прогнозировать, кто из начинающих писателей останется добросовестным ремесленником, а в ком есть искра таланта, если протестировать их на конкретном упражнении. К примеру, я начинаю и заканчиваю рассказ, да и любое другое прозаическое произведение, ударными строками. В них соль рассказа, его идея. Первая строка – завязка. Последняя строка – развязка. Они

стягивают тело произведения в законченную форму, на которой бликом играет точно выбранное название.

Определить, какие строки годятся на роль первой и последней, просто. Это должны быть афоризмы, авторская мысль, выраженная в острой и отжатой форме. Название, первая и последняя строка ограничивают пространство произведения, фиксируя его три вершины. Они создают незримый Театр Воздуха, где уже есть еловый задник, липовые кулисы, песчаный просцениум, травяная сцена, небесный купол, солнечный свет, пологий склон амфитеатра, и осталось лишь очень тонко и естественно запустить туда стайку цветных актёров с птичьими голосами. Нужен тонкий расчёт и игра. Ведь талант ничего не делает со звериной серьёзностью.

Начинающему писателю надо выстроить свой Театр Воздуха, то есть, создать пару афоризмов и придумать название. Клянусь, после этого эссе или рассказ практически готовы, останется самая малость – вписать в пространство задуманный текст. Одна заминка: афоризмы как раз и есть плоды вдохновения. И если дожидаться их вызревания, то рассказ может и не быть написан. Поэтому начинающий писатель, жаждущий славы и заработка, идёт от обратного – строит текстовый объём, полагая, что его плотные очертания выявят границы искомого пространства, и тогда удастся вычислить три заповедные вершины. Да. Пожалуй, таким путём можно получить законченную форму, но никогда не удастся создать Театр Воздуха. Все, кто пишет только профессионально, похожи друг на друга добротностью.

Итак, у рассказа или эссе есть три вершины, связь между которыми пронизывает его суть, выражает идею:

название – **загадка (с чем столкнулся герой)**,

первая строка – **постулат (задаёт тему героя)**,

последняя строка – **результат (итог того, как был реализован постулат)**.

Например, рассказ:

название: **Принцесса.**

первая строка: **Даже нечестное дело можно делать честно.**

последняя строка: **Толян был зол.**

Например, эссе:

название: **Не убий?**

первая строка: **Бог дал человеку всё с единственной целью – отнимать.**

последняя строка: **Первый, кто не убьёт, останется человеком.**

Например, данное эссе:

название: **Театр Воздуха.**

первая строка: **Всякая индивидуальность современна.**

последняя строка: **Талантливо писать можно только научиться, и только имея маленький довесок – талант, такой марлевый сачок для ловли неожиданных догадок.**

Например, рассказ начинающего писателя:

название: **Суп со стерлядью.**

первая строка: **По четвергам в трактире подавали суп со стерлядью.**

последняя строка: **В следующий четверг Иван снова пошёл на суп со стерлядью. Пошёл один. Как обычно.**

Проанализируем последний пример. Первая строка повторяет название рассказа, последняя – первую строку. В ключевых точках рассказа идёт однообразный повтор темы. Идея не задана, перепутана с темой. Читатель видит название, обращается к первой строке и снова видит название. Заглядывая в конец, он в третий раз находит то же самое словосочетание. Рассказ проиграл уже на старте.

Творчество и творческое воспитание... Задачи противоположные.

Творческое воспитание учит и должно учить только ремеслу. И больше ничему. Творческое воспитание требует мягкости и уклончивости мнений, принудительного выравнивания разновеликих способностей. Оно бережно поддерживает любой творческий порыв, оно снисходительно к бездарным и слабым, – к дилетантам, к детям, – и особенно строго к талантливым, требуя и от них снисходительности к бездарным и слабым. Гении слишком дорого обходятся обычным людям, чтобы их любили и терпели. Поэтому лучше их не замечать.

Искусство отрицает уравниловку. В искусстве нет снисхождения к неудаче, к неудачнику. Оно безжалостно отсеивает всё, что не отвечает его высокой требовательности, не отсвечивает вдохновением, не совершенно.

Нельзя научить уму. Нельзя научить таланту. Можно развить ум, можно отточить талант, но надо, чтобы всё это сначала уже было. А если не было, следует учить ремеслу точно так же, как учат управлять автотранспортным средством. И выучившись, крепкий профессионал будет писать добротную прозу.

Можно научить писать. Но нельзя научить талантливо писать. Талантливо писать можно только научиться, и только имея маленький довесок – талант, такой марлевый сачок для ловли неожиданных догадок.

2010

МАСТЕРСТВО СТАВИТЬ ЛОВУШКИ

Один из величайших живописцев сказал, что когда художник научится безупречно рисовать предметы и человеческое тело, работать с красками, овладеет законами перспективы и светотени, – он может искать себе учителя среди больших мастеров. Для непосвящённого это звучит абсурдно. А для посвящённого логично, потому что учитель учит лишь тому, чему нельзя обучиться самостоятельно путём усердных упражнений. Учитель учит сплести ремесленные навыки в тугую стебель замысла, достигать выразительности образа, иными словами – учит композиции. Он скуп, странно пересказывает, какие мысли приходят к нему, и что он чувствует, когда работает. Он говорит, вроде бы, совсем не о том. Но ученичество как раз и сводится к разгадыванию головоломок, предлагаемых мастером. Учитель даже не произнесёт это слово – композиция. Он скажет, что есть какие-то условия, которые в процессе работы постепенно отстраняют его от его же произведения, и он понимает, что всё уже сделал, и тогда останавливается. Но надо иметь терпение, – скажет он, – неустанно работать до того момента, когда эти условия начнут пробуждаться. Этот момент непредсказуем, но он известен настоящим художникам. Его невозможно описать так же, как и вдохновение, это – сознание завершения труда, когда сам бог, видя, что это хорошо, ставит на создании рук человеческих знак качества.

Если речь заходит о композиции, то чтобы сказать остро, абстрактно, безотносительно к конкретному произведению, или жанру, или даже искусству, невольно начинают использовать строительные и архитектурные термины. По-

тому что любое произведение искусства должно быть сначала продумано – построено, должен существовать жёсткий и связный каркас. Система связей невидима, но ощутима, не понятна, но вызывает доверие, не буквальна, но всегда вытекает из существующего и имеющегося – из доказанного, названного. И ещё, и это очень захватывающе, она прячет в себе каверзы, хитрости, заложенные в неё автором, такие, которые вдруг внезапно встают у читателя, или зрителя за спиной и закрывают ему ладонями глаза, лукаво спрашивая: «Отгадай, кто я?» Эти мелкие, неявные, неприметные обманки заставляют всё время быть начеку, оглядывать пройденный путь, чтобы не потерять ориентиры в нарочно подстроенной автором путанице и заранее разгадать, куда продлятся уже обнаруженные линии построения.

На структуру, как на ствол детской пирамидки, надеваются вперемишку цветные кольца – детали. Есть детали, задуманные автором, а есть такие, которые приходят во время работы вспышками озарений. Произведение искусства может быть перегружено деталями, но при чёткой структуре они никогда не будут мешать друг другу, уничтожать значение друг друга.

Создание логической структуры – это и есть композиция, то есть замысел, в котором кодируется порядок размещения деталей, их совместная работа, последовательность их выхода на сцену. Более того, зашифровываются даже те детали, которые никогда не выйдут на сцену. Скульптор, писатель, музыкант, живописец – любой художник свободен в построении произведения, его декорирования и наполнения содержанием. Структура невидимо направляет его, ограничивая разгул свободы до высокого вкуса. Произведение может забрасывать ослепительными деталями, нарочно создающими помехи и обманную бутафорию, но оно же суёт в руку спасительную суровую нить замысла, ведущую заворожённых и смущённых читателей, слушателей сквозь упительную изысканность деталей. Вне композиции, не увязанные структурой детали гибнут, утрачивая смысл, и превращаются в скопище бесценных сокровищ, заключённых в сундуке ростовщика, лишённых творческой способности что-либо изменить, внушить, создать.

Писатель – маг слова, хозяин и повелитель слова, но он должен замолчать, когда в построениях слов начинает говорить его замысел – то самое, что не названо, но угадано. А догадка неоднозначна, следовательно, у читателя есть свобода читать невысказанные мысли писателя, предугадывать возможность событий. Чтобы вовремя остановиться, писателю нужно точное чувство меры и вера в силы читателя, который погрузится в произведение без подсказок и инструкций, оснащённый лишь уверенностью, что писатель уже наметил тропу по лабиринту, и следует лишь отыскать её.

Чем остроумнее и предусмотрительнее писатель, чем лучше он продумал замысел, тем раньше он может оставить читателя без объяснений и устранился, наблюдая издали, тревожась, но и ликуя, когда разглядит, что его подопечный понял его.

Читатель и писатель вместе движутся по лабиринту. Писатель первым прошёл здесь. Но читая только что написанное, писатель превращается в читателя. Он так же ничего не знает, для него всё впервые, он сам очарован своим замыслом и попадает в ловушки, расставленные им самим.

1999

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Ален.* Суждения – М.: Республика, 2006.
- ² *Раблэ Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль. – Киев: Державное видавництво художньої літератури, 1956.
- ³ *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. – М.: Наука, 1980.
- ⁴ *Шаховская Н., Шик М.* Повелитель молний. – М.: Молодая гвардия, 1968.
- ⁵ Мф. 27, 46.
- ⁶ *Бах А.-М.* Иоганн Себастьян Бах. Хроника жизни. – М.: Классика-XXI, 2000.
- ⁷ *Шкловский В.* Земли разведчик. – М.: Молодая гвардия, 1969.
- ⁸ *Герман М.* Домье (ЖЗЛ). – М.: Молодая гвардия, 1962.
- ⁹ Письмо В.А. Жуковского к С.А. Пушкину. 15 февраля 1837 / Последний год жизни Пушкина. Переписка, воспоминания, дневники. – М.: Правда, 1989.
- ¹⁰ *Монтень, Мишель.* Опыты. – М.: Наука, 1979.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ *Мережковский Д.* Лица святых. – М.: Республика, 1997.
- ¹⁴ *Перрюшо А.* Жизнь Ренуара. – Киев; «Мистецтво», 1994.
- ¹⁵ *Кюри Е.* Мария Кюри. – М.: Атомиздат, 1977.
- ¹⁶ *Некрасов С.* Апостол добра. – М.: Русский путь, 1994.
- ¹⁷ *Нерсесянц В.С.* Сократ. – М.: Наука, 1977.
- ¹⁸ *И.-В. Гёте, Ф. Шиллер.* Переписка: В 2 т. – М.: Искусство, 1988. (Письмо № 338).
- ¹⁹ Мастера советской архитектуры об архитектуре: В 2 т. М.: Искусство, 1975. Т. 2. С. 176.
- ²⁰ Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Гл. ред. Токарев С.А. – М.: Советская Энциклопедия, 1991.
- ²¹ Там же.
- ²² *Фенглер Х., Гифро Г., Унгер В.,* Словарь нумизмата; – М.: Радио и связь, 1982.

²³ Федоров-Давыдов Г.А.; Монеты рассказывают. – М.: Педагогика, 1981.

²⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Указ. соч.

²⁵ Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Словарь нумизмата – М.: Радио и связь, 1982.

²⁶ Транквилл Гай Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. – М.: Художественная литература, 1990.

²⁷ Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Указ. соч.

²⁸ Зварич В.В. Нумизматический словарь. Львов: изд-во при Львовском государственном университете издательского объединения «Вища школа». 1979.

²⁹ Масса монеты 8,6 г, диаметр 22,5 мм, – отчеканена тиражом 27,6 млн.

³⁰ Берджес Энтони. Человек из Назарета. – М.: Текст, 2000.

³¹ Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Указ. соч.

³² Зварич В.В. Указ. соч.

³³ Фенглер Х., Гироу Г., Унгер В. Указ. соч.

³⁴ Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Гл. ред. Токарев С.А. – М.: Советская Энциклопедия, 1991.

³⁵ Берджес Энтони. Указ. соч.

³⁶ Зварич В.В. Указ. соч.

³⁷ Корецкий В., Львов М. Прогнозы монетных находок (русские медные монеты XVIII в.) из журнала, раздел «Нумизматика».

³⁸ Зварич В.В. Указ. соч.

³⁹ Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Цена выеденного яйца	3
Последняя случайность	10
Перо Жар-Птицы	18
Ипостаси прогноза	23
Три желания	30
Не убий?	44
В некотором роде	49
Говорят	57
Казнить нельзя помиловать	65
Нищенство	70
Чурики	78
Имя	88
Тридцать серебряников	93
Поле зрения	101
Непрочитанная книга будущего	107

ТАЛАНТ И РЕМЕСЛО

Грамм-градус-копейка	111
Нехоженные тропы	116
Вольные рассуждения о Сальвадоре Дали ..	124
Открытие	126
Театр Воздуха	129
Мастерство ставить ловушки	134

ПРИМЕЧАНИЯ	137
------------------	-----

Галина ЩЕРБОВА
ТРИ ЖЕЛАНИЯ

Корректор
В.И. Короткова

•
Вёрстка, макет
Л.А. Шелковой

•
Издательство «Кругъ»
Тел./факс: (095) 243-51-03
<http://www.krugh.ru>; E-mail: info@krugh.ru

Формат 60x108^{1/32}. Печ. л. 4,4
Печать офсетная. Гарнитура «Baskerville»
Подписано в печать 15.02.2011. Тираж 100 экз.

ISBN 978-5-7396-0188-9

9 785739 601889

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
Москва, Ильменский проезд, 1